

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НОВАЯ ЭРА

ВИКТОР МИШИН

ВОТ ВРАГ - ИДИ И УБЕЙ!

Виктор Сергеевич Мишин

Я из Железной бригады

Серия «Фантастический боевик. Новая эра»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67960821

В. Мишин. Я из Железной бригады: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2022

ISBN 978-5-17-150329-1

Аннотация

Николай Воронцов, сержант Российской армии, да-да, спецназовец, вернувшись из очередной командировки, получил сильный удар электрическим током и оказался в теле рядового Русской Императорской армии. Посреди боя, в грязном окопе, наш современник быстро пришел в себя, ибо служить Родине его учили всю его жизнь. «Железная бригада» Деникина – испытание серьезное. Как долго сможет протянуть Николай, не сбегая, не вылезая «наверх» к царю, в этом страшном времени? А ведь впереди еще более страшное событие – революция!

Виктор Мишин

Я из Железной бригады

© Виктор Мишин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

«Хрена как здесь все интересно...» – в голове мелькнула мысль и унеслась прочь. Еще вчера я вешал форму в шкаф и оружие сдавал, а сегодня...

– Взво-о-од, в атаку-у! – Раздалась трель свистка, разрывающая мозг, и со всех сторон от меня (стоявшего, блин, в окопе) начали подниматься солдаты. Странные какие-то, но явно солдаты, а не мирные граждане. Поднимались как один и лезли на бруствер, а там, между прочим, пули свистят, это я всегда распознать смогу. Окоп глубокий, стенки местами уже серьезно так повреждены, но сооружение впечатляло. Земля влажная, осыпается комками, падая и создавая под ногами месиво. Гул боя, рев сотен голосов, все это влетело в мою голову слишком быстро. Ни на секунду не задумываюсь и вылезаю следом за всеми. Лежать бы надо, но ни хрена не понимая, лезу, а куда деваться, привычка выполнять приказ вбита с рождения, да и как тут стоять, когда все бегут?

«Что это? Кто это? Зачем это?» – вопросы мелькали в голове со скоростью тех же самых пуль, что сейчас летели в меня, ну, или в мою сторону.

Передо мной и вокруг унылый пейзаж, деревьев кот наплакал, местность достаточно ровная, складки незначительны, укрыться практически негде. Лишь вдалеке линия горизонта сильно искривлена. Солдаты в серых, смутно узнаваемых шинелях, чуть не рядами неслись вперед, туда, откуда и летят эти самые пули. Бой. Страшный, как в кино, но бой реальный, разница ощутима буквально каждым волоском. Повсюду, куда ни посмотри, грохот, летящие клочья земли, свистящие осколки и десятки мертвых солдат. Я, довольно опытный сержант контрактной службы, повидавший многое в своей жизни, к такому был не готов. Тут и там вокруг меня падали солдаты, ЛЮДИ. Одни ранеными, они громко и протяжно кричали, призывая и маму, и Бога, и всех сразу. Другие – мертвыми, наглухо, эти смолкали уже навсегда. А я? А я в какой-то момент просто упал и лежу. Как подняться, если вообще не понимаешь, что и как? Грохот, грязь, вонь, суета как на базаре в выходной, народу тьма, в голове вообще бардак, ничего не соображаю. Немыслимая по весу и удобству длиннющая шинель, надетая на меня, казалось, спутывает ноги и не дает пошевелиться, винтовка, напротив, хоть и увесиста, но как-то знакома, что ли. Просто привычка к оружию, запаху пороха и портянок у меня из тех же времен, из детства.

Имя мое Николай, Воронцов моя фамилия. Мне тридцать лет... Было тридцать лет, когда жил в две тысячи восемнадцатом году. Сейчас я даже и не знаю где. Вчера я вернулся из очередной командировки на Кавказ, полгода там кантовался. Вернулся с нашей командой в часть, предстоял месяц отдыха, а то и больше. Наша команда, приписанная к разведроту, имела весьма нестабильный «график работы». То сидим где-нибудь в Чечне или Дагестане, а в последнее время добавили еще и Сирию, месяц, второй, третий, а то и как прошлый раз, аж полгода. А то и дома, то есть в части под Москвой, отдыхаем. Отдых, конечно, это я пошутил так, командир у нас хороший, а значит, хочет, чтобы мы все всегда возвращались домой, а следовательно, тренирует как надо. Гоняет с утра до ночи, как собак, разве что без упряжек, сбрую не считаю, она давно как вторая кожа.

Так вот и говорю. Вернулись, значит, разделся, пошел в душ, с дороги, с поезда, хотелось отмыться скорее, прежде чем в отпуск ехать, а тут... Не знаю, то ли коротнуло что-то в душевой, то ли еще что, но сыпануло вдруг искрами вокруг меня, а я стоял под струями воды и... В общем, очнулся вот тут, в окопе, с винтовкой Мосина в руках и шальными глазами. ...Да, пробовал я себя щипать, пробовал, даже кончик штыка на винтаре потрогал, острый, зараза, ни фига не сон. Сначала думал, как в книжках о попаданцах, сейчас фрицев урою и поеду к Сталину. Каюсь, почитывал я такую литературу. А вот хрен тебе по всей роже, тут, похоже, что-

то другое. Оружие-то подходящее, а вот форма...

Форма странная, на фуражке кокарда с российским триколором, да и сама фуражка немного странная, в общем, на Первую мировую похоже, очень похоже. Почему подумал сначала, что Отечественная война? Так в книгах все время туда попадают, часто туда хотят, вот и я не раз представлял, а что бы сам сделал в сорок первом? Честно? Да ни хрена. Почему в книгах и делают героев удачливыми и неуязвимыми, ибо все прекрасно понимают, что шанс у простого солдата выжить на такой войне ниже нуля, а уж у обывателя двадцать первого века и того меньше. Максимум, кто имеет шанс, – служивый, как я, и это не выпендрож, знаний и умений под фуражкой немало. Хотя на войне выживает тот, кто имеет хоть немного свободы. Тупо исполняя приказ, ты просто сдохнешь. Как может выкрутиться простой человек, не представляю.

На войне живет только военный, другим, к сожалению, тут не место. Тут ведь нет Гугла, кого в помощь-то звать? И о чем тогда писать книгу, если главного героя сразу убьют? Затык выходит. Поэтому и начинают авторы придумывать, как у героя все получается, он всех учит жизни и очень крутой. Ну, а как иначе, это ж книга! Да и как без обучения местных, если ты из будущего? Вы ведь учите не знающего что-либо человека, когда сами хоть что-то понимаете? Так же и в книгах. Как не поделиться с предками тем, чего они пока не знают?

Много раз ловил себя на мысли: хотел бы в прошлое попасть? Конечно, да. Но вот, блин, мечтал посмотреть, как жилось предкам, посмотреть мир, а тут опять война. Из одной да в другую, как-то нечестно получается. Судьба у меня, что ли, такая.

Прадед воевал, где-то, кстати, недалеко. В Первой мировой участвовал точно, но не знаю, где именно, как-то не застал я его при жизни. Дед воевал в Отечественную, там более или менее известно. Сталинград, Киев и до Германии. Батя, тот не участвовал, но тоже военный, ушел, правда, капитаном в девяносто втором, когда страны не стало. Дядя мой, батин родной брат, командир части, артиллерист, полковником в отставку вышел. Брат Чечню повидал, ну и я, как поскребыш, туда же. Разница в том, что брату и срочки хватило, а мне вот контракт предложили, уж больно служба интересной показалась. Да и не только показалась, она такой и была. Как бухгалтерия, минус один, минус два...

Где-то за спиной раздался взрыв, и меня осыпало землей, воспоминания тут же прекратились, реальность вновь влетела в голову со скоростью пули. Так-так, надо что-то предпринять, что ли, а то так и останусь тут валяться. Потом будем обдумывать, как и что произошло, пока же... Эх, хорошо героям в книжках, попал в прошлое, осмотрелся, продумал все, что надо сделать, и пошел себе к руководству страны, уму-разуму учить предков. А когда вот так, посреди боя,

когда неизвестно вообще ничего, что будет с человеком, не знающим, что такое война.

Винтовка в порядке, штык зачем-то примкнут, неудобно же! Осматриваюсь по сторонам. Вокруг все лежат и ведут огонь в сторону... ну, надо думать, врага. Смотрю и я вперед, через прицел вижу немного, какое-то шевеление метрах в двухстах. Ага, так там тоже окопы, стало быть, там и сидят враги? Сначала и не понял, как будто просто пригорки и холмики, а это бруствер траншеи. Удивительно, но на поле боя совсем нет кустов и почти нет высоких деревьев. Последние все чаще обломанные, покореженные разрывами снарядов и шрапнели, а вот кусты... Кусты есть, но они все так аккуратно подстрижены, что диву даешься. Скорее всего, это пулеметами так причесывают, как зеленщик ножницами, даже красиво.

Зачем же нас заставили штыки примкнуть? Или винтовка так и пристреляна? Надо проверять, а то случись стрелять, а я и с пяти шагов не попаду, хотя вообще-то снайпером был на службе. Пристрелка незнакомого оружия на уровне рефлекса вбита, ведь она может спасти жизнь. Чуть повозился, снимая штык, ну мешает он мне, вот хоть тресни.

Винтовка на вид ухоженная, малость потертая в районе хвата, но в целом в порядке. Пошукав по подсумкам, вытащил один патрон, странно, что россыпью лежат. Вставляю пулей в ствол и удивляюсь: с трудом вошла, проворачиваю с усилием, отлично, почти новая винтовка. А то приходилось

в свое время видеть, как пуля аж проваливается в расстрелянный ствол.

Открыл затвор, детали механизма подачи тускло блестят, руки действовали сами, патрон в патроннике, вновь смотрю через прицел. О, дерево мне подойдет. Прямо за вражескими окопами стоит большое дерево, береза вроде, так, сколько тут? Глазомер развит хорошо, слава богу, два года только с СВД бегал, а уж сколько стрелял... Хоть она и не «мосинка» ни разу. Так, двести пятьдесят, думаю. Ветер... Да какой к хренам ветер, я не на снайперской позиции, угрожают сейчас артиллерией, будет тебе и ветер, и влажность, и перепад высот. Для такой пули двести-триста метров вообще не расстояние. Ловлю себя на мысли, что тело-то не мое, но вроде как не сопротивляется моим действиям, и то хлеб. Но в то же время привычные движения выходят как-то... с задержкой, что ли? Каждое действие как будто делаешь впервые. Небольшое неудобство, но наверное, привыкну.

Вокруг все стреляют, так что внимания я не привлекаю вроде. Грохает выстрел и тонет в десятках таких же. Ого! Вот это пинок, надо держать крепче, расслабился с «плеткой», а как деды воевали с «трехлинейкой»? Куда попала первая пуля, от неожиданности не заметил. Да и попала ли вообще куда... Вновь целюсь в дерево. Выстрел. О, теперь лучше. Как прижал приклад нормально, так и винтовочка как продолжение руки. Кажется, теперь видел попадание, сильно выше того, куда целил. Делаю поправку на прицеле, тащу ползу-

нок, блин, как туго идет! Так, еще деление, выстрел. Вот теперь порядок. Надо запомнить, пристреляна была со штыком, кажется, так и должно быть, я наставление по стрельбе из винтовки образца 1891/1930 годов видел разок, но не помню точно. Подумав, не стал возвращать прицел в прежнее положение, на дистанции даже в сотню шагов слишком большая разница. Да и зачем? Мне тут не в мишень стрелять на точность. Я теперь знаю, как стреляет моя винтовка, хоть и примерно, так что справлюсь, сейчас еще закреплю чуток, стреляют много и со всех сторон, никто на меня не обратит внимание.

Внезапно справа близким разрывом меня вновь закидало землей и, похоже, чем-то человеческим, в смысле что-то тяжелое упало на спину. Поворачиваю голову...

– Колька, Семену Кривому, похоже, хана!

Натыкаюсь взглядом на человека, солдата, глядевшего прямо на меня. Мужик в возрасте, лет под сорок где-то, лицо в глубоких морщинах и грязи, смотрит на меня ошалело.

– Разорвало, прости господи, как газету.

Точно, смотрю, а рядом со мной рука лежит, показалось сначала, что даже пальцы шевелятся. Но нет, лишь кажется. Белые обломки костей торчат наружу, бывшие связки болтаются кровавыми ошметками. По рукаву шинели, обрывку, разумеется, ползет огромная вошь, вот же сука живучая! Да, а кровушки тут хватает. Даже для меня многовато, тем более спецура, в силу своей специфики, столько крови и рас-

терзаных тел редко когда видит. Мы ж в основном по-тихому: пришли, нагадили, ушли. А уж снайпер и вовсе редко видит лужи крови. А тут... Похоже, надо привыкать, а не то... Черт, все же не сдержался, рвало недолго, нечем, видимо. Во рту помойка, шинель немного забрызгал. А, плевать, все равно весь в грязи. Весна на дворе, поля развезло так, что удивляюсь, как мы сюда вообще дошли. Кстати, сразу не обратил внимание, но кажется, меня и тут зовут моим же именем, интересные дела. Глянуть бы в документы, должна быть какая-нибудь учетная карточка, фамилия та же или нет.

– Давай вперед, хлопцы, всех сейчас немец накроет шрапнелью, если дальше будем лежать! Хотите кишки на кулак наматывать? – доносится приказ.

Хм, командир, что ли, кричит? А говорит-то по делу. Раз вылезли, надо вперед, иначе жопа. Мы тут как на столе лежим, даже без артиллерии могут легко всех угрохать. Это ж только в будущем любили Жукова и прочих костерить почему зря, дескать, минные поля разминировал пехотой. А сами-то пробовали? У командира приказ, он его выполняет. А если солдаты лежать будут, им всем хана. А уж о том, чтобы провести разминирование местности... Эту чушь даже комментировать впадлу. Враги-то чего, ждать будут, когда вы тут ползать будете и мины снимать? Это, простите, совсем уж дилетантский взгляд. Нет, конечно, есть саперы и все такое, но тут вам не там. Разминированием не занимаются во время боя. Это в будущем, «Горыныча» запустил прямо во время

атаки, он тебе такую дорогу пропашет, что хоть на автобусе езжай. Но тут-то начало двадцатого века. Из инструмента лишь лопата, штык, ну, может, еще щуп есть, и все нафиг. С лопатой и штыком не больно тут насаперишь.

На войне все просто, но и одновременно сложно. Вон враг, иди и убей, иначе он убьет тебя. Идешь, куда деваться. Убьют тебя – другие пройдут. Останешься жив – молодец, почести тебе и признание. Кстати, помнится, в императорской армии посмертно не очень-то награждали.

Встаю и я, машинально отмечая, что в винтовке всего три патрона осталось. Я дважды новую обойму пихал, но третью отстрелять не успел. Хлопаю по подсумкам, но блин, некогда уже перезарядкой заниматься. Минус мне.

Вновь трель свистка, поднимается вокруг меня нестройная цепочка солдат. Да, все устали, мужики, но что делать? Никто не озирается, не смотрит друг на друга, только вперед, туда, откуда на нас льется убийственный ливень металла. А мне очень хочется все видеть, осмотреть каждого бойца и местность, привычка, информация дает возможность выжить.

– Бегом! В штыки! – слышу команду и вновь отмечаю правильность и своевременность, только мне вот не влетело бы, за штык.

Поскакали. А пули-то летят, еще как, только начинаю замечать, что под ногами не вгрызаются в землю. Чуть левее со стороны вражеских позиций заработал пулемет, а это хрено-

во. Покрошат нас сейчас в капусту, икнуть не успеем. Вдруг слышу какой-то шум рядом и чуть скашиваю глаза...

Улюлюканье, ржание и хрип, вот это да! Первый раз в жизни вижу, как наступает конница! Твою мать, реально сила, а страшно, наверное, врагу сейчас. Кони летят, как таран, широкие грудные клетки готовы снести врага одним махом. Топот стоит, аж земля вибрирует, страшно, наверное, и своим, и чужим.

Мимо нас, бегущих, как черепахи, к вражеским окопам устремляются кавалеристы. Шашки наголо, бравада... Им, конечно, тоже достается, даже и побольше, чем нам сейчас. Атака кавалерии хороша лишь по противнику, не успевшему развернуться, или в преследовании, но не так, когда десятки пулеметов устремлены на атакующих. Весь огонь враг переносит на них, и бойцы начинают падать, кони, жалко-то их как, ржут, как будто плачут, спотыкаясь и переворачиваясь через головы. Пули выдирают из тел целые куски плоти, забрызгивая все вокруг кровью. Верховым плохо, кто не успел ноги из стремян выдернуть, кувыркаются вместе с лошадами, ломая себе кости. Не жильцы. Страшно. Мясорубка – вполне, думаю, подходящее слово. Да уж, страшны были войны в прежние времена... А как еще раньше? Когда в шеренги строились и стреляли по очереди? Или когда с пиками и мечами ходили? Ой не, не хочется даже думать о таком. Все-таки человек – тварь, дорожащая жизнью, иначе бы не придумали столько средств для убийства себе подобных.

Измельчали мы, как ни крути. Наверное, от того и прогресс во всем мире ускорился, надоело людям умирать бессмысленно. Черт возьми, да мне бы хороший «инструмент», да несколько минут спокойствия, чтобы никто не приставал, хрен бы тут так пулеметчики развлекались. Хотя и укрыты они в основном, да только для хорошей винтовки с оптикой эти укрытия не помеха.

Вот и окопы врага. Прямо на ходу исправляю ситуацию со штыком, сейчас он, скорее всего, и пригодится, едва успеваю. Вижу шлемы с шишаками, точно немцы, хотя вполне могут оказаться и австрияками. Ну, дайте только в окоп попасть, а там я вам всю вашу толерантность припомню. Нас немного, человек сто – сто пятьдесят примерно, это кого вижу, скатываемся в траншею к немцам. Кто прыгает и вступает в бой, а кто и ныряет, отвоевав свое. Едва смог увернуться от штыка, хрена себе у немца тесак на стволе, взгляд буквально залипает на нем, весь в крови, так и течет, видимо, уже нашел себе цель! Падаю на бок, но вставать не пытаюсь, вытягиваю руки и четко попадаю своим штыком в бок врага. Как же я вовремя его вернул на место! Штык буквально скользит сквозь врага, не встречая сопротивления, пока ствол винтовки не упирается в тело. Орет гад, а я ведь еще не озверел, не осознал всего того, что происходит. Да уж, как в книгах пишут о том, как простой человек, попадая на войну, сразу воюет? Я вот, если б опыта своего не имел, сдох бы уже, наверное, от паники или поноса. А еще вернее, спря-

тался бы куда-нибудь – и будь, что будет. Мля, ведь реально жопа тут, осознание вещь вредная, когда приходит в бою. Страшно ли мне? А я что, мля, железный, что ли? Да пипец как страшно! Аж поджилки трясутся, да только деваться-то некуда. Колбасит не по-детски, трясусь, мыслей ворох, а как поступить, не знаю. Местные-то привыкли к такому, их ведь так и учат, а мне каково? Все внутри просто орет благим матом: укрыться, залечь, найти щель и забиться в нее, но нельзя. Вот, я уже успел кого-то убить, а ведь только очнулся в этом теле, ой, Батя, выживу, свечку тебе поставлю, хоть ты еще и не родился. Что бы я делал, если бы не забота моего командира?!

Больше одного выпада сделать не успеваю, как и встать. На меня что-то падает и придавливает к земле. Черт, тяжело-то как, да еще чем-то по башке ударило... Пока ворочаюсь, пытаюсь подняться, на меня падает что-то еще, становится совсем плохо, дышать все труднее, руки зажаты вытянутыми, винтовку давно отпустил, выбраться бы, но не выходит, похоже, полы шинели зажало, и я теперь, как младенец в пеленке. Блин, только бы лошадь какая на меня не упала, точно не встану. Как-то на учениях, рядом со мной заряд взорвали, имитируя разрыв артиллерийского снаряда. Меня тогда так присыпало, что вздохнуть мог с трудом, чуть не сорвался, было очень страшно, от невозможности двигаться. Паника заставляет сердце биться со скоростью летящей пули, это плохо, паника до добра не доводит. Но как же хреново

это, ощущать, что тебя завалило, а что-либо сделать никак. С детства не любил такого, клаустрофобия это или нет, но, терпеть не могу, когда меня сковывают вот так. А сколько, наверное, что на этой, что на Отечественной в окопах солдат погибло? Не убило пулей или миной, а именно вот так, когда тебя заваливает на глубине и выбраться возможности нет. Ой, мама, роди меня назад, как же хреново-то...

Над головой, где-то рядом, но глухо, из-за наваленных на мне тел, плохо слышу, раздается выстрел, второй, третий. Немцы добивают прорвавшихся? Или это наши?

– Баста, – различаю отчетливо. Вот блин, у предков словечки почти как родные для меня.

– Солдатам осмотреться в окопах, проверить оружие и боеприпасы, подготовиться к возможной контратаке противника!

Значит, наши все же. Пытаюсь крикнуть, но рот, оказывается, забит грязью. Отплеваться не получается, фыркаю, аж до рвоты. В глазах уже слезы стоят, кажется, залепило земель все, что только можно.

– Есть живые, ваше благородие!

Конечно есть, откопайте же меня скорее, братцы, сил нет. Я уже даже перестал трепыхаться, все одно не получается вылезти. Может, товарищи откопают?

Вытащили меня нескоро. Оказывается, это не обо мне говорили, тут много таких. Много раненых, много заваленных

телями и своих, и врагов. Самое смешное, что на мне лежало аж два раненых немца, а уже на них один наш и три вражеских труп. Когда представил, что раненых немцев могут добить штыками, стало не по себе, там ведь может и мне прилететь, под замес. Представляете себе глубину этой могилы, в которой я оказался? Давление обездвиженных тел было таким, что казалось, меня в банку вместо шпрот закатали. Ненавижу, когда меня держат, а уж такое, что не пошевелить буквально ничем, вообще грустно. Но все же я увидел белый свет. Правда, не сразу, земля была просто везде, даже в глазах, поэтому видеть начал только в лазарете. На удивление, у меня не было ни контузии, ни ранений, при том, что на шинели места живого не было. Сестры милосердия прозвали счастливымчиком, с ложечки кормили, аж два дня, на третий я убежал, просто не знал, что там делать, вдруг симулянтом назовут, вот еще.

Заодно в лазарете наконец смог разглядеть самого себя, а то до этого кроме рук и ног ничего и не видел. Рост и тот прикидывал по винтовке со штыком. А ничего тело досталось, предок или просто тезка был хорош. Росту во мне теперь чуток даже больше, чем было в другом мире, метр семьдесят семь я теперь, раньше на три сантиметра ниже был. Поразил размер ноги, аж сорок четвертый, раньше сорок два был, прибавил чего-то многовато. Волосы темные, усы... Сбрил на хрен сразу. Пушок таскать не хочу, не понравился он мне. Про тело не зря сказал, что хорошее. Ни шрамов, ни сле-

дов ожогов, ничего. А вот силушкой не обидели, руки-ноги крепкие, ярко выраженных мышц нет, но крепость чувствуется. На лицо не красавец, конечно, но и не урод вроде, кожа не смуглая, но и раньше такая была. В общем и целом результатом был доволен.

Явившись в батальон, был уже немного подкован насчет реалий и происходящего. Узнал свою фамилию. Представьте, такая же как у меня, то есть я полный тезка себя из будущего, за исключением отчества. Тут да, я-то Сергеевичем был, а у этого тела батю звали Василием. Кстати, полностью совпадает с данными прадеда. Уж не в него ли я вселился? И ведь не узнать никак, я про него и не знал ничего, как тут проверить. Единственно, вроде как прадед служил в Лейб-гвардии Финляндском полку, скорее всего, все же тут не его тело. Гвардейцы вроде как в столице сейчас, так что просто тезка.

В лазарете были газеты, правда все с ятиями и ерами, но вполне себе читабельны, если соображаешь. Шел тысяча девятьсот пятнадцатый. Хреново. Апрель месяц, снарядный и патронный голод уже начал сказываться, а что будет дальше... Наступление в прошлом году похерено, мы отступаем, пытаемся держаться, но командование выравнивает линии обороны, приходится отходить, а это больно. А еще больнее, когда после тяжелейших атак, захватов плацдармов и позиций врага с огромными потерями поступает приказ вернуть-

ся на прежние позиции. От этого злость растет так, что зубы крошатся в бессильной злобе. Как помню из истории, сейчас именно тот момент, когда нужен был один хороший удар – и все, австрияки бы точно спеклись. Но нет, нечем.

Вернулся я в батальон, а народа в нем максимум рота. Повезло, выдали винтовку, вновь потертую, не лучше моей бывшей, опять неизвестно, как она стреляет. С патронами беда, четыре обоймы на все про все, не густо. На сборы дали час, привести себя в порядок и быть готовым убитым врасположение, в траншею то есть. Наконец, узнал, куда именно я попал, и обалдел еще больше. Знаменитая «Железная бригада» Деникина, тринадцатый полк Маркова, не хухры-мухры. Мало о каких частях, воевавших на Первой мировой, будут помнить через сто лет, а вот эту помнят. Сейчас бригаду уже переформировали и обозвали четвертой дивизией, но мне ближе к сердцу старое название – бригада. Да и не одному мне, на самом деле, все солдаты так зовут.

Из событий, что мне предстоит пережить, не помню ничего хорошего до лета следующего года. Скоро начнется Великое Отступление, мы оставим Польшу и откатимся далеко на восток. Царь возглавит армию, начнется бойня в обороне. Но там, к осени, с патронами станет чуть легче, как помнится. Дожить бы до осени. О, в мае будет первая немецкая атака с хлоркой, ну, газом нас травить будут, хлором, как бы не на моем участке, чего-то не хочется на себе испытывать

этакую хрень. Надо бы уточнить, где хоть я точно нахожусь, вдруг недалеко от крепости Осовец... Ну и скоро начнется партизанщина, а у фрицев появятся первые винтовки с оптикой. Надо бы дождаться, тогда я попаду в свою струю.

А ждать выходит с трудом. Артиллерия германцев долбит часто и подолгу, часами головы не поднять. Скорострельность нынешних орудий такова, что промежуток между выстрелами долгий, и иногда кажется: вот все, наконец, а через минуту хренак, вы слушали «Маяк», вновь чемоданы летят. А уж когда шрапнелью бьют, кажется, даже воздух трещит, разрываясь в клочья. Страшно.

Снова в окопе. Недавно выводили в тыл, размещали в деревне, в пяти верстах от передовой. Это отдых такой. Лучше уж на передке в окопе ховаться. Выходить никуда нельзя, почти не кормят. На передовой хоть хлеб дают, а в тылу почти нет. Он сыроватый, с подгорелой коркой, но это хлеб, а на отдыхе и такого нет. На передке от шей уже воротит, но в них хлеба покидаешь и вроде есть можно, но тяжело. Рацион, конечно, бедовый. Постоянная резь в брюхе, сил нет, еще бы солдатам хотелось воевать.

Расположились в своих же окопах, сменили солдат, что ушли отдыхать. Месим грязь, мерзнем и голодаем, хреново как-то кормят. Два дня уже сидим, патроны экономим. Враги охренели, иногда даже вылезают из своих окопов и стоят в полный рост, при этом еще и кричат, призывая сдаваться, а нам не дают стрелять, патроны экономим. Странная ка-

кая-то война идет. Действий почти никаких, зато командиры цепляются постоянно. Все больше и больше задумываюсь, а так ли неправы были предки, ополчившись на офицеров и позже устроив им резню?

Артиллерия почти не стреляет, зато немцы долбят только дай. Раз в час примерно встаем, постреляем и опять сидим. Это грубо, конечно. Просто периодически враг начинает атаки, мы отвечаем, больше для вида, показываем, что мы еще здесь и живы. Да и атаки противника не такие уж и активные. Говорю же, странная какая-то война. Может, это тут, на этом конкретном участке фронта так, не знаю. Винтовку пристрелял, удачно, кстати, правда, после этого и начались серьезные проблемы с непосредственным командиром. В одной из атак выбрал себе немца по душе, ну, того кто-то свалил чуть раньше, пулей в ногу, скорее всего. Тот лежал метрах в ста пятидесяти от нашей траншеи и орал. Удивительно, как его свои не пристрелили. Зато я показал коллегам по окопу, как надо бить врага. Здесь так не воевали, те, кто понимал, что я делаю, переставали смотреть в мою сторону. А мне было пофиг. А я просто сделал то, что с нашими советскими солдатами активно станут делать душманы в Афгане, да и во время Отечественной такое будет. Только тут получилось само, немца-то не я ранил. Зато его собратьев по рейху я удивил. Посмертно.

В этом месте, где мы сейчас занимали оборону, местность была уже более подходящая для скрытной войны. Деревья,

кустарник, овраги и холмики, все это давало возможность маневрировать и укрываться, когда необходимо. Но это же помогало и врагу.

Первый, кто приполз к раненому немцу, прожил дольше всех. Я потратил три пули, чтобы понять, куда они вообще летят, и выставить нужный прицел. А вот четвертым свалил пришедшего на подмогу к раненому. Тот именно пришел, представляете наглость? Ни красного креста тебе, ни полумесяца. Подошел, наклонился, осмотрел и начал бинтовать. Первое мое попадание вышло не совсем точным, я лишь свалил немца, попав тому куда-то в ногу, а уже вторым добил лежавшего. Зарядив вновь винтовку, стал ждать прихода следующего, разве что позицию сменил, перейдя на несколько метров в сторону. Солдаты почти не обращали на меня внимания, шипели только, что своей стрельбой я только разозлю врага. Интересно, а мы, значит, злиться не можем? Я вот и так злой сейчас, как собака Баскервиль, не смотри, что худой и кашляю, уж если хапну за задницу, мало не покажется. А все же странная логика у бойцов. Хотя, может, и правы мужики, покажу вот фрицам, как можно делать, и начнут они нас так же ловить. С другой стороны, надо же как-то убивать противника, ведь иначе он убьет нас, а жить-то хочется. А так, глядишь, я и в ряды противника вношу элемент паники. В следующий раз они будут бояться вылезать, начнут использовать прикрытие, а это расход и боеприпасов, и людей, так как наши тоже просто смотреть не станут. Да и просто

страх у врага появится, это тоже вклад в будущую победу.

Спустя всего двадцать минут мои пострелушки закончились. Убил я еще троих, больше не смог, так как немцы тоже не дураки были. Когда я подстрелил второго пришедшего, возле раненого было уже два трупа, и он сам, и новые враги уже не приходили, они приползали. Мне закрывала обзор лежавшая троица, поэтому я только мазал. Но итог все же впечатлил. Вместе с раненым, его тоже пришлось добить, а то махал руками, предупреждая своих, я оставил на поле пятерых солдат рейха, истратив все патроны. Осталось только застрелиться, патрон в стволе один. Попросил у бойцов в траншее, не дали. Ни патронов, ни люлей. Попросил унтер-офицера выдать патроны, тот отказал, ссылаясь на свои наблюдения.

– Ты зря транжиришь боеприпасы, их и так мало, а ты выпустил столько пуль зря... – Блин, а я на него рассчитывал, выглядит мужик деловито, вояка знатный, один чуб, выбивающийся из-под фуражки, чего стоит.

– Зря? – я аж поперхнулся. – А кто тут сделал хотя бы половину моего? Все тупо стреляют в белый свет, а у меня – результат.

– В раненых стрелять – подло! – было мне ответом. Появился офицер, блин, лучше бы так и сидел себе где-нибудь подальше от меня, так нет, принесла нелегкая. До этого дня он уже пару раз себя обозначал, придираясь к внешнему виду, но пока удавалось отмахиваться.

– А мы на войне, – серьезно ответил я, не собираясь лебезить перед очередным «благородием», он и правда был не первым, что ходят тут, жить учат, – нас сюда призвали для того, чтобы бить врага, вот я и бью. А если мы тут будем любезничать с врагом, то скоро до Урала откатимся. Вы победить хотите или предпочитаете сдать страну только для того, чтобы боеприпасы экономить? Большого бреда не слыхал...

– Ты как разговариваешь со старшим...

– Да вот так и разговариваю, – фыркнул я, – перестаньте чушь нести, тогда и обращаться стану, как положено.

Офицер схватил меня за плечо, сгреб в кулак пустой погон. Я смотрел ему в глаза спокойно, даже глазом не моргнул. Занеся вторую руку, желая, скорее всего, ударить меня в лицо, офицер внезапно замер и отпустил меня. Да уж, слыхал в своем времени не раз, да и тут уже приходилось видеть, как «их благородия» обращаются с подчиненными, воспитывая. Эх, ребятки, а вы потом жаловались, что вас «драконами» называли и убивали в семнадцатом, как тараканов? Поделом, как мне кажется. Если не умеешь разговаривать с подчиненными, то ты не командир, место тебе в обозе. Проще всего сунуть в морду солдату, а что изменится? Считаешь, что не прав? Объясни, выслушай доводы со стороны подчиненного, они ж тут поголовно неграмотные, но бить... Толк в битье, может, и есть, когда по делу, а просто так, тем более навязывая солдату свою, совсем не обязательно правильную точку зрения, это перебор. Грамотный командир тем и отличается

ся, что может объяснить свою позицию солдату, чтобы тот понял.

Оправив форму, я вернулся на свое место в окопе и принялся наблюдать, ожидая темноты, есть на нее планы. Правда, наши наблюдения пришлось быстро свернуть, немцы начали артиллерийский обстрел наших позиций, и пришлось укрыться. Окопы были очень большими, рассчитывались так, чтобы могли пройти два солдата с носилками и не мешать другим солдатам, находящимся в траншее. Для себя солдаты рыли небольшие норки-щели, чтобы была возможность спрятаться. Размеры окопов это и плюс, и минус. Плюс в том, что много места и не чувствуешь себя килькой, а вот минус... В такие окопы залетали снаряды, и это было больно. Конечно, я сейчас рассуждаю с высоты своих познаний и общего развития, как ни крути, но я гораздо грамотнее того же прапорщика, тут и образование, и общий опыт жизни. Но вообще, следует немного умерить пыл, а то прикажет что-нибудь этакое, а приказы я приучен исполнять. Да, стоит быть менее заметным, зря выступаю. Или все же не зря? Вот же дилемма?

До темноты все же дожили, повезло. Осмотрелся, никто меня не видит, да и не смотрит за мной, пора было вылезать на охоту. Как бы ни придиралось начальство, но поступать так, как велит мой собственный разум, я не перестану. Выбравшись наружу, даже удивился, такая тишина стоит... Огляделся еще раз, на меня никто так и не посмотрел, а

наблюдатели, сидевшие в своих узких ячейках, выдвинутых немного вперед общей траншеи, сюда не глядят. Да, я решил сползать на нейтралку, раздобыть оружие и боеприпасы. Если немцы своих еще не унесли, то я обзаведусь несколькими винтовками и запасом патронов. Будем бить врага из его же оружия, раз патронов к своему нет. Немного стремно, но не зря же я наблюдал столько времени, как здесь все обстоит. Думаю, все получится.

Полз недолго, расстояния тут были небольшими, немного пришлось повозиться с проволочным заграждением, но это была не известная мне «егоза», а примитивная «колючка». Между шипами-колючками такое расстояние, что можно без затруднений перелезть. Это в бою, под пулями сложно, тебе же никто не даст времени спокойно тут возиться, а ночью, да в полной темноте, запросто.

В таких условиях я чуть мимо не прополз, остановил меня какой-то отблеск, и я замер. Буквально в десятке метров от меня, причем в стороне, кто-то закурил.

«Ни хрена себе вояки!» – пронеслось в голове.

Фрицы (блин, я тут законодателем моды на название врагов стану) сидели возле трупов убитых мной днем солдат и курили. Два мужика в шлемах с шишаками о чем-то тихо переговаривались. Как быть, даже не думал, учили меня неплохо, немного пугало только осознание того, что тело не мое, не знал, как оно себя поведет. Вытянул немецкий штык-нож, что прибрал себе по случаю недавно, и ползком, забирая пра-

вее, чтобы оказаться у немцев в тылу, медленно направился к врагам. Пока полз, крутил рукой, привыкая к весу тесака. При приближении понял, что они тут делали. Пытались вытащить своих, похоронить, наверное, должны, а тут я... Огляделся уже в который раз, убедился, что меня никто не видит, по крайней мере, я больше никого не видел, а до немецких окопов не близко, метров сто тут, кусты немного скрывают, да и темно. Резко поднявшись, буквально побежал к солдатам противника. Те успели разве что разглядеть, как я подбегаю. А дальше последовали удар ногой и несколько колющих ударов штыком с констатацией смерти врага. Думал, снова буду блевать, но к моему удивлению, ничего такого не произошло, тогда, в первый раз, я был не в себе, а сейчас привык. Оглядел творение рук своих, сплюнул, вытер нож и руки о форму врага, да и начал собирать барахло. Немцев разглядывать не стал, да и темно, повторюсь, может поэтому и не блевал. Получилось взять на испуг, неожиданно. Если бы враги ждали нападения, вряд ли бы справился так легко, немцы хорошие вояки, всегда такими были. Но тут расчет был именно на внезапность, что и помогло. Да и не принято тут так поступать. Скорее всего, на Отечественной один немец обязательно сидел бы в засаде, страхуя своих, а тут непаханный край работы для такой подленькой войны.

Парень я был не хилый, но еле допер весь скарб до нашей траншеи. Тащил всё. Семь винтовок противника, к ним

у меня были привязаны ранцы и ремни с подсумками. Патронов много, не ошибусь, если тысяча есть. Немцы запасливые. Ранцы также были не пустыми, может, пожрать чего найду. В окопе меня встречали...

— Ты что, рядовой, мародерил? — давешний офицерик, с которым я поспорил, в сопровождении пары солдат, стоял передо мной и отчитывал меня. Разве что не матом. Вот этот был полной моей противоположностью. Худой, низкого роста, но офицер, белая кость, слушайся его давай. Глазки как у крысеныша бегают, орет, но видимо, все же опасается немного, вон как нервно ручонками дергает.

Да, это было больше всего похоже именно на мародерство, но сами посудите, а как мне быть? Патронов нет, жратвы толком тоже нет, сидеть и ждать смерти? Меня так не учили. Голодный солдат, да еще и без оружия много не навоюет. Нет, все правильно я сделал.

— У вас ко мне какие-то претензии? — спокойно, не отводя глаз, спросил я. Офицер даже споткнулся на полуслове. Ей-богу, задрал уже. Сколько я тут, без году неделя, а чего-то меня уже колбасить от руководства начинает. Они на войне или как? В Отечественную, слышал, политработники так же оговаривали солдат, да только позже один черт закрывали на это глаза. Если бы снабжали свою армию, как положено, то и солдатам не пришлось бы собирать трофеи, пытаясь хоть как-то вооружиться. Поэтому я продолжил, несмотря на то, что мне скорее всего, сейчас влетит: — Это не мародерство, я

взял свои трофеи. Тем более в условиях нехватки патронов это даже не желание, нужда. Будет свое, перестану собирать трофеи, а так нам нужнее, чем врагу. Чем больше мы у них заберем, тем меньше пуль завтра полетит в нас. Кошельки и зубы не выдирал, взял только то, в чем нуждается солдат на войне. Так в чем проблема, ваше благородие?

– Утром разберемся. Быть к восьми нульнуль в штабе полка. Ясно?

– Точно так, ваше благородие. Буду. Винтовки вражеские возьмите, вдруг у кого оружие из строя выйдет, замена будет.

Офицер, не отвечая, убежал, что-то зло бормоча, ну и я не стал повторять.

– А чем стрелять-то из нее? – спросил внезапно унтер-офицер. Когда и подошел, даже не заметил его. Правильно я решил, что этот как раз вояка опытный, и с ним я, скорее всего, полажу. С патронами он меня оговорил, но больше не лез, понимает, что я прав.

– В ранцах пошукайте, должны быть патроны, немцы запасливые, – улыбнулся я. Кто-кто, а унтер, походу, меня поддерживал, жаль, что его авторитета и звания не хватит, чтобы повлиять на командира взвода. Прапорщик, кстати, совсем какой-то малахольный. Только из училища, что ли? Весь такой правильный: устав, устав, ни шагу от устава. Честь, достоинство? Вы серьезно? На войне? Не, не слышал как-то. Вообще, считал себя всегда человеком чести, но это понятие в двадцать первом веке трактуется несколько по-другому.

му. Да и здешний устав еще то чтиво. Пока изучал, и плакал, и смеялся одновременно. Написано смешно, но это понятно, для неграмотных людей разжевали так, что даже ребенок поймет, но тот, кто его составлял, был или юмористом, или ни хрена о войне не слышал. Я бы скорее этот устав сборником анекдотов назвал.

Когда меня оставили в покое, я решил заняться снарягой. Да, винтовки все, кроме одной, сдал, как и ранцы, но вот ремни с подсумками и патронами в них – нет. «Маузер» на вид выглядел лучше моей «мосинки», новее. Сначала выпотрошил тот ранец, что оставил себе, нашел немного колбасы, хлеба и флягу со спиртным. Какие-то бумаги, письма, даже газета, ишь фриц какой, газетки читает! Далее нашел две гранаты, и на этом как бы и все. А вот с подсумков я получил более сотни патронов к винтовке и семь штыков, я их также снимал. Когда закончил со снарягой и сел перекусить, подошли один за другим шесть парней. Новенькие, что ли, раньше их не видел.

– Привет, – поздоровался один, – это ты к немцам ползал? – Парень невысокий, ниже на голову меня, но тут много таких.

– И? – выжидающе посмотрев в глаза солдату, спросил я.

– Расскажешь, как вышло? Интересно же. Нас тут к тебе отправили. Вчера, по прибытии, нам не хватило оружия, а сейчас вдруг выдали вражеские. Сказали, ты можешь показать, как пользоваться немецкой винтовкой, – у говорившего

была очень правильная речь, прям такая, к какой я привык в будущем. Из образованных, что ли?

«Как будто я сам умею?» – удивился я, но думаю, ничего тут заумного нет, тот же «болт», что и «мосинка», только, думаю, поудобнее чуток. А отправил их, скорее всего, унтер, сразу смекнул, что так будет проще.

Начали разбираться с солдатами, осваивая вражескую технику, винтовки то есть. Как и думал, ничего сложного не было в них, а рукоять затвора так и поудобнее была. На пристрелку пришлось испросить «высочайшее разрешение». И, получив дозволение, оставили окопы, уйдя недалеко в тыл. Там и смогли выпустить пяток пуль каждый, ни о чем вообще-то, но зато теперь все понимали, как пользоваться немецкой винтовкой. А стреляет она ой как хорошо...

Оставив солдат чистить стволы, занялся ремнями. У меня их много было теперь, решил подвесную соорудить. А что, мне так удобнее. Подвесив подсумки, удостоверился, что все сидит более или менее удобно. Зато боезапаса теперь куда как больше. Правда, это мое изобретение вконец выбесило офицера, и меня прямо-таки заставили снять мое изобретение. Что ж, сделал все то же самое, но надел под шинель. Конечно, теперь не так удобно, но лучше, чем было раньше, правда, шинель топорщится, но лишь бы не мешала, в бою-то я ее расстегну.

Опять сидим в траншее. Погода мерзкая, мелкий дожди-

чек сыпал с утра, прохладно. Немец с утра здорово долбил артиллерией, командиры думали, что будет атака, но немцы не полезли. Где-то в стороне, правее нашего участка, слышалась ожесточенная стрельба, наверное, соседний батальон бьется. Но раз приказа о готовности нет, значит, не наступали, а отбивались. Да и вряд ли будет атака, сил для нее нет, как и боеприпасов.

С моим поступком решилось просто. Вызвали-таки в штаб, пришел, расспросили, все рассказал, и отправили обратно. Начальник штаба, кстати, как-то косо смотрел на нашего взводного, наверное, недолюбливает, или просто бесит он его, как и меня. А кому он может понравиться? Это ему не так, то не эдак. Тут ведь как, кроме устава, который несомненно нужно блюсти, есть еще куча всяких условностей и «законов» ведения войны. Вот и в штабе, пока взводный на меня выливал помой, старшие офицеры только морщились. Я дождался, когда тот закончит, и, получив разрешение говорить, высказал свою точку зрения. Бил, быю и буду бить. Если считаете это преступлением – накажите. А вообще, по раненым не стреляют, когда они сдаются, это да, есть тут такое. Но эти-то не сдавались, так я и сказал. Ни за что не стану переделывать себя. Захотят осудить, пускай судят, но меня так учили, да и просто внутри все горит. Как это, видеть врага, что топчет твою землю, но не стрелять? Вот эти благородия и довели страну своей куртуазией.

Наказывать не стали, напротив, начштаба даже на выходе

руку пожал, что было удивительно, старшие офицеры не подают обычно руки рядовым. Блин, как тут все сложно, с этими этикетками, правилами и прочим. Заметил уже, простых солдат, как и народ, тут и за людей не считают. Но все же попадаются и нормальные командиры, офицеры то есть, понимают, что и как.

– Воронцов, сегодня заступаешь в дозор. Спать запрещено, есть на позиции запрещено, открывать огонь без команды запрещено... – наставлял прапорщик. Эх, не зря, наверное, в Красной армии прапорщики перестанут считаться офицерами. Прапор, он и в Африке прапор.

– А кто мне отдаст команду на открытие огня, если я и должен первым засекать врага? – решил все же открыть рот я.

– Сообщишь в траншею, унтер-офицер передаст данные дальше, а там будет видно.

– Господин прапорщик, а вам не кажется, что в условиях фронта это непозволительно долгая и вредная процедура?

Хо-хо, опять у него рожу скривило.

– Рядовой, ты долго еще намерен пререкаться со старшим по званию? Ты мне уже надоел, я написал один рапорт на тебя, напишу и второй.

– Ваше право, господин прапорщик, ваше право, – ответил я и вытянулся.

– Свободен пока. На позицию к двадцати нуль-нуль. Ясно?

– Так точно!

Дозор, это интересно, но после приказа прапора скучно. Вперед смотрящий находится чуть впереди основной траншеи, у нас даже ход сообщения прорыт, не нужно вылезать из окопа, чтобы туда попасть. Ячейка небольшая, но места хватало. Придя к восьми часам вечера на пост и сменив бойца, что стоял ранее, осмотрелся. Слева и справа, метрах в ста, сидят такие же, как я, наблюдатели. Впереди нейтралка, колючка в несколько рядов, за ней позиции врага. Блин, мне бы оптику, с одной позиции можно у немцев взвод положить, прежде чем они пристреляются к моей позиции. Если приглядеться, их даже сейчас видно, то и дело показываются, выглядывая над бруствером. Даже не так, немцы просто ходят у себя в окопах как по проспекту, нисколько не пригибаясь.

Стемнело. Хотелось есть, да и пил я давно, а с собой нет. Фляга пуста, забыл набрать, вылетело из головы совсем. Сухарный мешочек остался в блиндаже, ну забыл я его, когда ел, забыл. Видимость становилась все хуже, еще и туман какой-то полез... Не, точно туман, не газы вроде. Стою, смотрю, не то чтобы до рези в глазах, но внимательность не притупляю. Вдруг (во сколько не знаю, часов у меня нет, с фрицев снимать не стал, а то бы точно обвинили в мародерстве) появился какой-то звук. Что это было, непонятно, но исходил он со стороны врага. То прекращаясь, то вновь появля-

ясь, звук становился громче. Что-то шуршит, блин, там не фрицы ли ползут? Напрягаю зрение из всех сил, и тут прямо напротив ячейки выползает лиса. Твою мать, из-за тумана, вышло неожиданно, и я даже вздрогнул. Метров десять до нее, может меньше, крадется такая, по сторонам не смотрит. Когда зверек еще чуть приблизился, стало понятно, почему он еле тащится. Лиса зацепилась за порванное ограждение, на ее задних лапах была «колючка». Видимо, уже устав с ней бороться, лиса просто ползла прочь от этой напасти, да вот никак не получалось уйти.

Жалко стало дурочку, видно, что еще маленькая, я подтянулся и вылез из окопа. Винтовку оставил и тихо пополз к зверю, постоянно прислушиваясь и оглядывая округу. Вроде никого, это хорошо, только вот даст ли лиса себя трогать? Та, увидев меня, пригнула спину, но не побежала. Да и не уйти ей, запуталась.

– Тихо ты, еще поранишься, – прошептал я, – дай помогу, дуреха.

Протянув руку, но не касаясь, проверил, кинется ли она на меня. Лиса, чуть рыкнув, вышло у нее это как-то даже смешно, бросаться все же не стала, хоть и показала острые зубы. Взявшись за проволоку, я попробовал отцепить.

– Я возьму твою лапку, хорошо? Не бойся, только сниму эту железку, и ты побежишь домой, – вновь тихо-тихо прошептал я.

Лиса уже лежала и, как мне показалось, даже ждала моих

действий. Решив не тянуть, осторожно прикоснулся к лапам лисицы, кусаться она не стала, одной рукой, а второй вновь стал снимать проволоку. В этот раз вышло, пара «колючек» серьезно так зацепились за шубку, но я осторожно отцепил их, и лиса никуда не побежала.

– Чего сидишь, беги давай, да подальше, а то еще убьют тут! – шикнул я на нее. Так как руки уже убрал, то не боялся. Но поворачиваться спиной к такому, хоть и небольшому зверю, я не стал. Попятился так, как лежал, задом. Лиса провожала меня взглядом до тех пор, пока я не скрылся в ячейке. Далековато уже, может, уже и не видит меня, все же темень стоит знатная. Ее-то я разглядел только из-за окраса, да и то плохо. Хотя у зверя скорее всего зрение-то получше будет, чем у человека.

– Где был? – почти в тот момент, как я оказался в ямке, раздался голос за спиной.

– Тьфу на вас, господин унтер-офицер! – выругался я. – Напугали-то!

– Я тебе дам сейчас, плевать-ся он тут будет! – начал ругаться уже унтер. – Где был?

– Да вон, лиса сидит, видите? – я указал в то место, откуда приполз только что.

– Где? – пытаюсь рассмотреть хоть что-то, спросил унтер.

– Да почти прямо, метров восемь. Запуталась в проволоке, скулила так, что кошки в душе заскребли.

– Вытащил? – уже спокойно спросил командир.

– Ага, – кивнул я.

– Ну, ладно. Только больше из ячейки никуда, понял? И никому не говори об этом.

– Так точно, господин унтер-офицер.

– Тихо тут?

– Пока да, – подтвердил я. – Можно вопрос, господин унтер-офицер?

– Что?

– Мне сколько стоять-то? А то уже и есть, и пить хочется...

– Чего, сухаря с собой не взял?

– Никак нет, забыл сумку в блиндаже. Да и вода кончилась...

– Такой справный вояка и забыл? – недоуменно спросил унтер.

– Ну, да, – пожал я плечами, – и на старуху бывает проруха.

– На, держи! – с этими словами унтер протянул мне горсть сухарей, выудив их из кармана, и отцепил от пояса свою флягу.

– Премного благодарен, – я закинул сухари уже в свой карман и принял флягу. Закинув в рот один сухарик, чуть не переплевался. Унтер, видимо, вместе с табаком их таскает, горечь во рту появилась такая, что, прильнув к фляге, сразу выхлебал половину.

– Через пару часов смена будет, отдохнешь.

Унтер ушел, тихо, как мышь. Он и пришел так же, только в этот раз я его уже видел. Пожевав чуток сухариков, пришлось как следует почистить от табака, да водичкой сдобрив, продолжал вести наблюдение. Темно как в заднице, тишина стоит, лишь где-то в отдалении что-то грохочет, но даже сторону не могу определить, далеко. У немцев тоже тихо, иногда лишь доносятся обычные для войны звуки.

Два часа пролетели на удивление быстро, даже глаза не устали, как ко мне пришли. Тот же унтер привел солдата и разрешил покинуть пост. Побрел к блиндажу, был у нас свой, с перекрытием всего в один накат, укрытие от непогоды. Осмотревшись и найдя незанятое место среди солдат, просто приткнулся рядом. Мыслей в голове столько, что аж думать устал, пытался переключиться, выходило с трудом. Но усталость все же взяла свое и я отключился. Сколько спал, не имею представления, проснулся от тычка в плечо.

– Подъем, вояки, – все тот же унтер-офицер стоял рядом и скалился. – Поработать треба, айда.

Началось в колхозе утро с хреновой работенки. В полосе своего взвода мы собирали трупы, видели немцев, буквально в сотне метров от нас, занимались враги тем же самым. Похоронные команды работали вовсю, мы-то только собрали убитых, а уж другие бойцы их увозили на подводах в тыл, хоронить, наверное.

К обеду приперся довольный прапорщик, с надменным видом походил по траншее, а после выдал:

– Ну, что, рядовой, скоро получишь свое за самоуправство!

– Вы о чем, ваше благородие? – сделал вид, что не помню зла.

– Немцы утром парламентарера прислали, требуют выдать преступника, подло убившего нескольких солдат и укравшего их оружие.

– О, так мне на войне еще и разрешение спрашивать нужно, чтобы врага убивать? – вновь начал заводиться я.

– А ты как думал? – даже удивился прапорщик.

– Ну, если свои сдадут, значит, отвечу.

– Что значит сдадут? Ты совершил преступление!

– У нас с вами разные взгляды на ведение войны, так что спорить бесполезно, ваше благородие. Но то, о чем говорите вы – просто вредительство и подлость.

– Спорить ты вообще не можешь, не положено!

– Так точно, – ответил я спокойно.

Прапор ушел, я начал лихорадочно обдумывать, что делать. Что же такое получается, меня что, фрицам выдадут? Свои? Млять, какие они тогда свои? Вопросов тьма, у меня и так еще культурный шок, а тут новое приключение. За что такое счастье? Почему-то отчаянно захотелось свалить. Не из окопа, а вообще. Тут, кстати, совсем не сложно оказаться за границей, близко все. Правда, денег совсем нет, копейки какие-то, но думаю, с моими знаниями и опытом не пропаду.

Только во второй половине дня за мной прибежал порученец из штаба, требовали явиться. Винтовку не оставил, нехай разоружают. В штабе было полно народа, увидел и врагов. Немцы, в прикольных своих касках с шишаками, стояли с гордо поднятыми головами и презрительно смотрели на меня. Винтовку-то сразу опознали. Я и не думал стесняться, встав по стойке смирно.

– Рядовой Воронцов, это вы уничтожили вражеских солдат и забрали их оружие вчера вечером? – тут же последовал вопрос.

– Так точно, ваше высокоблагородие! – отрапортовал я полковнику, командиру нашего полка. Мужик солидный, стройный, подтянутый, добавляли солидности шикарные усы и борода, да и ордена на мундире не просто так, боевые. Да и узнал я его, фотографии в будущем видел, так как этот самый полковник через пару лет станет генералом Белой армии Марковым. Да-да, будет воевать против своего же народа, названного «красными».

– Они стреляли в вашем направлении? – Оп-па, а вопросец-то со смыслом! Все понял, вашсокбродь, не дурак...

– Именно из-за стрельбы я и открыл огонь. Стрелял я не один, просто патроны кончились, решил взять у них.

– И правильно сделал, топай отсюда! – кивнул мне полковник и повернулся к фрицам. – Как видите, господа, мой солдат стрелял лишь в ответ, поэтому ни в какое мародерство я не верю. Взял оружие убитых? Ну, так мы на войне, господа.

Того требовала обстановка, вот он так и поступил, при угрозе жизни все средства хороши, вам ли этого не знать. При отступлении все наше вооружение остается у вас, вы же нам его не возвращаете? Я не вижу в этом преступления, поэтому вам пора. Честь имею! – это я уже услышал, практически выйдя из палатки командира.

Не сдал меня комполка, не сдал. Вот сейчас вернусь, прапор-то весь на говно изойдет.

– Ты не ушел еще, – меня вдруг окликнули, и пришлось остановиться и обернуться. – Отлично. Сейчас немцы уйдут, зайди вновь! – это кто-то из штаба.

– Есть! – козырнул я.

Постояв недалеко и понаблюдав, как делегация врага ушла к месту перехода нейтральной полосы, я направился к командирской палатке. Внутрь, конечно, не пошел, встал в нескольких шагах и замер. Спустя несколько минут тот же военный, что окликнул меня недавно, вышел от командира и, найдя меня глазами, подозвал к себе.

– Заходи, – в палатке уже успели накурить так, что хоть топор вешай.

– Рядовой...

– По делу ты поступил правильно, а вот по совести... – начал командир полка, был он зол, переговоры, видимо, были тяжелыми, – так поступать нельзя. Понимаешь, теперь и враг сможет так же к нам приходить и убивать наших солдат во сне.

– Я же не во сне убивал? Да и для того, чтобы не приходили, мы и ставим часовых, – возмутился, не повышая голоса я.

– Да я-то все понимаю. С оружием и боеприпасами плохо, то, что ты сделал, необычно, но правильно. Но когда дойдет до штаба армии, нам может не поздоровиться. Сейчас иди во взвод. Немцы наверняка захотят отомстить и начнут атаку, готовьтесь. Отбиваться-то есть чем?

– Теперь есть, – кивнул я, – разрешите выполнять?

– Иди, Воронцов, иди, – кивнул благожелательно полковник и махнул рукой.

Вернувшись во взвод, застал прапора за сочинением. Ну, писал чего-то. Пройдя мимо и козырнув, даже не стал что-либо говорить ему. Нашел унтера и передал слова командира полка о возможной атаке. Тот чутко поворчал, но побежал проверять всех солдат взвода.

Минут через тридцать начался ад. Враг ударил тяжелой артиллерией, казалось, обстрелу не будет конца, такой интенсивности обстрелов я еще не видывал. Это было страшно и непривычно для меня, поэтому пришлось всерьез сдерживаться, чтобы не облажаться. В траншее были вырыты небольшие норы, чтобы можно было укрыться от вражеского обстрела, так задолбался туда залезать! Только заберешься, подожмешь коленки к груди, как от близкого разрыва тебя выкидывает нафиг оттуда да землей заваливает. Земля ходуном ходит, осколки с визгом пролетают где-то над голо-

вой, а ты вновь и вновь пытаешься залезть в спасительную щель. Везло не всем. Бывалые, их сразу видно, спокойно лежат, скрючившись и не шевелясь, а кто-то не выдерживал и, вскакивая во весь рост, куда-то бежал. Солдаты получали увечья, а из кого-то и жизнь уходила, и во всем этом говне виноват я. Останусь в живых, пойду к командиру и предложу свои услуги. Именно те, что умею хорошо делать. Пусть тут так не принято, но я решил.

После трехчасового, безостановочного артобстрела немец в атаку не пошел. Это было словно наказанием за мои действия. Вообще, конечно, был удивлен, что немцы вот так приперлись в штаб полка и стали права качать. Удивило меня это и озадачило. Как так? Война тут или так, прогулка? Ведь они могли позиции «срисовать» или штаб накрыть. Хрень какая-то тут творится, с этими правилами ведения войны. К вечеру, когда все было тихо, я подошел к прапору и попросил разрешения сходить в штаб полка. Дескать, забыл кое-что доложить, а сейчас вспомнил. Прапорщик ругался, как всегда, но отпустил. После обстрела, кстати, он был слегка пришибленным, проняло, что ли? Может, поймет, наконец, что врага нужно уничтожать, как только увидишь. Помните знаменитое стихотворение времен Отечественной?

«Сколько раз увидишь его – столько раз и убей!»

– Браток, доложи командиру, рядовой Воронцов просит

принять, – подходя к часовому возле штаба, обратился к нему я.

– Тебя звали? – Какой тут строгий, а главное, наглый ефрейтор. Конечно, я совсем не по уставу явился, но дело важное.

– Не груби, просил же по-хорошему, доложи, а уж там видно будет. Не тебе решать, принимать меня его высокоблагородию или нет.

– Чего? – часовой хотел вскинуть свой карамультук, да только я устал уже терпеть это дерьмо. Накипело.

БУХ! Часовой полетел в сторону, винтовка в другую. Я, машинально тряхнув рукой, которая только что впечатала кулак в челюсть бойцу, сплюнул в сторону.

– Ну, тебе же говорили, чего ерепенишься? Важность свою хотел показать? А показал глупость.

– Что тут происходит? – из штаба вышел какой-то поручик, молоденький, с чубом, выбивающимся из-под фуражки, и оглядел нас с часовым.

– Ты что себе позволяешь, солдат?

– Виноват, господин поручик! Рядовой Воронцов, разрешите обратиться?

Получив в ответ кивок, повторил просьбу на аудиенцию с комполка. Поручик не стал строить из себя генерала и ушел в штаб. Через несколько минут он вернулся и застал уже другую картину. Я усаживал часового на бревно возле входа, приложив тому к скуле серебряный рубль. Нашел во внут-

реннем кармане еще вчера. Часовой не злился, все понял и поведал, что давно не меняли, вот и сорвался на меня. Вообще-то, это преступление, и мне за это шею должны намылить, но вроде мы все уладили. Я им тут все их дурацкие порядки так встряхну, что или от меня избавятся, или порядки изменят.

– Проходи, Воронцов. Господин полковник выделил тебе пять минут, не задерживай его!

Войдя, отдал честь и снял фуражку. Хотел уже открыть рот, но был остановлен полковником.

– Видишь, к чему привела твоя вылазка? – говорил не грубо, не ругал, лишь сетовал полковник.

– Видел и почувствовал на себе.

– Тринадцать человек в первой линии убитыми, около сорока раненых. Это очень много. Очень. Немцы и так нас своей артиллерией в землю вбивают, так еще и ты своими действиями их провоцируешь. Так что у тебя?

– Хотел кое-что предложить...

– Вообще-то, не принято прыгать через голову непосредственного начальства. Доложил бы взводному, а тот выше...

– Виноват, ваше высокоблагородие, только это было бы бессмысленно. Да и когда до тех, кто выше, дойдет, уже поздно станет. А по делу... Пока немец снаряды кидал, идея пришла. Разрешите вопрос? – видя легкий кивок командира, продолжил: – Как у нас с артиллерией?

– В каком смысле? – даже не понял меня командир полка.

– Да, – пожал я плечами в смущении, – в прямом. Можем ли мы ударить в ответ, чтобы немцы тоже немного штаны испачкали? – Вообще вся моя выходка отдавала наглостью и, возможно, идиотизмом, если смотреть со стороны начальства. Кто я такой, чтобы такие вопросы задавать, да еще и к комполка обращаться? Но не умею я пока говорить и думать, как местные, вот и шпарю, как в своем времени.

– Разведка нужна, куда стрелять. – Вот! Именно для этого я и вылез сюда, в штаб. А командир-то вменяемый, не послал, разъясняет обстановку. – Да и со снарядами плохо, очень мало. Мы не можем, к сожалению, позволить себе такой огонь, как немцы.

– А много и не надо. Если огонь будет точным, зачем впустую снаряды тратить? – продолжал я наглеть. Выглядело это смешно для меня, а командир, наверное, охреневает от моей наглости.

– Что, сам хочешь в разведку? – ехидно спросил вдруг начштаба полка, сидевший рядом с командиром.

– А почему бы и нет? Не тупее других, справлюсь, – вновь пожал я плечами. – Когда я там ползал, ну, оружие изымал, видел, места для прохода там есть, можно пройти.

– А как ты хочешь добыть точные сведения о расположении противника? – Все, я их зацепил. Сразу видно, что офицерам нравится моя идея, но вот позволят ли...

– У меня глазомер хороший, я запишу все, что увижу, и проставлю расстояния, дело будет за артиллеристами. Смо-

гут точно ударить, все получится. В любом случае я пойду туда снова перед артобстрелом и прослежу, куда попадают снаряды.

– Ничего себе, удумал! – фыркнул начштаба.

– Да ничего сложного, на самом деле. Во время обстрела я обратил внимание на попадания по нашим позициям. Слишком уж настильная траектория у снарядов...

– Ты грамотный? – спокойно спросил полковник.

– Так точно, образование получил хоть и домашнее, но полное. Хоть сейчас экзамены в университет сдам.

– Бастард, что ли? – чуть прищурив глаз, вновь спросил комполка.

– Есть такое, – опустил я голову.

– Я сразу отметил тебя, уж больно говоришь правильно. Только много. Сколько людей хочешь?

– Нисколько, – пожал я плечами, – лишние люди, лишний шум.

– Не пройдешь один... – уверенно заявил командир.

– Пройду, – упрямо ответил я, – присмотрел уже пути, все получится.

– Хорошо, – вдруг твердо заявил комполка, соглашаясь. Известно, то ли просто плюнул и решил, что если пропаду, то туда мне и дорога, то ли и правда верит в то, что я придумал. – Когда?

– Ночью. Разрешите выполнять? – вытянулся я.

– Давай попробуем, если получится...

– Обязательно! – козырнул я, перебивая командира. Тот только ус дернул, ухмыльнувшись.

Надо же, выходит, поверили мне «драконы»? Вообще, у меня случилось какое-то раздвоение. На позициях мой командир, поручик Шлеменко, редкостная гнида, ну или просто трус и идеалист одновременно. А вот в штабе полка... Не знаю, как там выше по чинам, но на уровне полкового командования вроде вменяемые люди. Что командир полка, что начштаба, понравились мне однозначно. Передергиваю, конечно, но они реально мне понравились. Марков не зря потом такой авторитет будет иметь в войсках, умный и храбрый офицер.

Дождавшись ночи, еле вытерпел, вылез из траншеи. Пришлось забрать немного в сторону, мало ли что. Приглядел уже местечко в заграждении, туда и пополз. Страшно ли было? Не-а, интересно – да, но не страшно. По себе знаю, страх придет чуть позже, но там и будем думать. Я в свое время столько под стволами ползал, что эта ситуация меня не напрягает.

Ночевки у врага очень тихие, даже с пяти шагов не услышишь, что у них в траншеях происходит. Выбрал я место, где было множество воронок, стояли колья с натянутой проволокой, но пролезть возможность была, ибо повреждений тут хватало. Посты дозоров расположены примерно как и у нас, впереди основной траншеи, метрах в пятидесяти. Времени

прошло много, просто я ползу так, как учили в будущем, сто метров преодолевал почти час. Зато не привлек внимания, а значит, живу пока. Да и нельзя себя обнаруживать, иначе можно вообще забить на вылазку, точно будут ждать. Чем скрытнее пройдет мой рейд, по крайней мере в ту сторону, тем выше вероятность того, что все будет сделано, как надо. Ползать я умею, так уж научили в свое время.

Обогнув ближайший пост, нашел дырочку между траншеями, тут болотина была, вот солдат тут и не было. Вновь осмотрелся, запоминая, что и как, и стал искать тихое местечко. Нужно торопиться, а то так и ночь кончится. Почему поперся прямо из расположения, а не вокруг? Так быстрее, банальщина. Да и позиции-то у немцев не только тут, их везде хватает. Эх, хреново без рации...

Сразу за болотом, подступая вплотную, начинался лес, хороший такой, но без чащобы, пошел по окраине, немного зайдя под прикрытия деревьев, чтобы не попадаться на глаза солдатам противника, вдруг какой глазастый разглядит, хоть и в темноте. По расчетам, что провел возле леса, я преодолел уже с километр, войск тут было много, две траншеи полного профиля, разве что в лесу никого, о, нет, все же и у леса находились патрули. Знают немцы службу, знают.

Уселся под елочкой, темно, хоть глаз выколи, но надеюсь, хоть что-то рассмотрю. Достал клочок бумаги, жаль, маленький совсем, и, облизнув кончик карандаша, начал рисовать. Глазомер у меня хороший, поэтому рисунок будет очень де-

тальный, нанесу сейчас все, что видел, позже еще дополню. Сложность была только в одном, что вокруг, что у себя под носом, видно очень плохо. Конечно, глаза привыкают к темноте, да и не бывает на воздухе абсолютной тьмы, но все же темно, зараза.

Слева от леса, за болотом начиналась деревня, скорее всего, в ней квартирует штаб местной воинской части противника. Что тут, полк или дивизия, пока не знаю, в местных реалиях еще не силен, но пехтуры много. Эх, как бы мне к этой деревеньке пробраться... Чую, что там я многое узнаю.

На окраине леса, как и заметил ранее, был пост. Два пехотинца сидели на бревне и грелись возле костерка. Никакой маскировки, мечта диверсанта. Вспоминая рассказы о Великой Отечественной, даже улыбнулся, тут все гораздо проще, не воюют здесь так, а когда начнут? А вот я сейчас и начну. Интересно, как часовые меняются? Вот бы умыкнуть одного да переодеться, тогда я смог бы выполнить то, что задумал, с еще большим размахом. Правда, если возьмут за жопу, то сразу расстрел. Здесь и сейчас такое правило, надел форму чужой армии – расстрел.

Решил все же чуток подождать, авось наше всё, если в ближайшее время не поменяются, поползу так, хоть и стремновато это.

Не повезло, солдат не сменили, а рисковать и вязать этих я не стал. Ведь как назло, захвачу их сейчас, а им смену через пару минут пришлют – и баста. Забрал глубже в лес, тут топ-

ко было, сапоги уже целые, да и ноги мерзнут, я пробирался через подлесок, стараясь ступать тише. В темноте делать это выходило с огромным трудом, если бы не моя подготовка в прошлом, или будущем, то не знаю, как смог бы пройти. И так приходилось шипеть от недовольства самим собой, тело-то не мое, еще не слушается, как надо, нужны тренировки. Главное, не пытаться вступать пока в единоборства с врагом, а то попытаюсь что-нибудь учудить, а тело откажется выполнять, вот будет смеху-то... На том свете. Будем использовать простые удары и технику, если вообще придется.

До деревни я добрался все же, но времени было уже в обрез. Просто чувствую, без часов ведь, что скоро рассвет, а мне еще эти долбанные пушки найти надо.

Как и предполагал, артиллеристы расположились прямо за деревней. Причем тут даже смешно было смотреть. Никаких укрытий, низин или оврагов. В чистом поле стоят, ни хрена не боятся, да еще и ящики со снарядами буквально в нескольких метрах за позициями. Ну, утром ждите подарок, если командование не будет жадничать, получите от всей души. Интересно они тут воюют, каждый день узнаю что-то новое, и оно меня смешит. Да, правду говорил в будущем мой первый командир, заставляя копать окоп так, как нужно. История пишется кровью, и то, что я умею, то, чему научен в будущем, сложилось именно из таких вот ситуаций. На первый взгляд вроде ничего особенного, до передовой порядочное расстояние, зачем укрытия или что-то еще в этом

роде? Отработали, поменяли позиции, лепота. Разведка тут, конечно, есть, куда ж без нее, да только, видимо, хреново как-то работает. Мне унтер вообще-то намекал перед выходом, дескать, пластуны ходят, но таскают в основном рядовых и унтеров. Ну а как еще? Конечно, в ближнем тылу или вообще в окопе на передовой что, генералы сидеть будут? Так что для меня тут непаханое поле, для моих навыков точнее.

Так, а это что такое? К деревне приближалась небольшая колонна из нескольких подвод и одиночных конников. Спереди и сзади колонну также сопровождали всадники, да еще и с факелами, дорогу, значит, освещают. Конница, что ли, в подкрепление прибыла? Что-то непохоже. Уж больно красиво идут, несмотря на ночь. Лежу себе в канаве, промок как последний карась, но смотрю внимательно, тем более деревня как на ладони. Въехав в деревню, процессия остановилась, и несколько военных устремились к одному из домов. От меня уже далековато было, метров двести, в темноте вообще ничего уже не вижу. А вот сарай на окраине, где прогуливается одинокий вояка, разглядеть я смог, тем более что над входом в сарай фонарь масляный висит. Я за этим хмырем уже с полчаса наблюдаю, ходит как неприкаянный, даже по сторонам особо не глядит. Ну что ж, видимо, судьба у тебя такая.

Часовой разве что не спотыкался, давно не меняли, что ли? Подход к нему есть, не вплотную, конечно, но работаем.

Подползти близко настолько, чтобы умудриться выпрыгнуть на него внезапно, нечего было и думать, поэтому, по добравшись ближе, просто встал да и пошел к нему. Часовой как раз отвернулся, поэтому не мог видеть, откуда я появился, и был не готов. Мне оставалось до него меньше пяти шагов, когда он внезапно развернулся и попытался с ходу сорвать винтовку с плеча. На лице этого возрастного вояки было такое удивление, что я даже ухмыльнулся, но главное, он испугался. Ведь реально, такого тут почти никогда не случается, чтобы солдат противника зашел так глубоко в тыл... Немец судорожно ковырялся с винтовкой, пытаюсь вспомнить, что с ней вообще нужно делать, а я просто прыгнул к нему и, закрывая одной рукой рот, второй, с ножом, бью ему в грудь. Это, кстати, очень сложно, прижимать ладонь ко рту противника, ведь он не стоит столбом, а дать ему возможность орать я не могу, вот и старался как мог. Поддерживая часового, довольно мягко опустил его на землю, продолжая закрывать рот, одновременно ворочая ножом в ране. Казалось, треск разрываемой материи был слышен на всю округу. Солдат смотрит на меня, выпучив глаза, и не понимает, от чего ему так больно. Вижу это по его глазам. Старый, кстати, дядька, лет сорок пять на вид, для армии уже старик. У меня даже на секунду комок к горлу подступил, но наверное, это с непривычки нового тела.

Возле сарая шла небольшая канава, в нее и сложил убитого, предварительно избавив от винтовки и шинели. Пропи-

талась кровушкой та прилично, но мне она нужна ненадолго, потерплю. Каску еще надеть, что ли?

Нахлобучив смешной вражеский шлем на голову, я смело повесил винтовку на плечо и вышел из-за сарая, где тут же столкнулся с еще одним солдатом. Эк тебя пробрало! Немец, наткнувшись на меня, застыл, а я, даже не глядя по сторонам, вновь машу ножом. Еще один готов. Тащу новенького вновь за сарай и укладываю рядом с часовым. Нормально так, пять минут, два трупa. Тьфу ты, чего-то комок к горлу все же серьезно так подошел, не проблеваться бы. Отцепил фляжку у второго убиенного и сделал пару глотков. Водичка, холодненькая, подействовала как надо. Все же из-за сарая я вышел, а то уж думал, что фрицы так и будут до утра на меня переть по одному. Понятно, что сейчас ночь, и те, кто не на посту, отдыхают, но все же я был здорово удивлен, что вокруг так тихо. Идя по деревенской улочке, старался держаться близ домов, выходило хреново, препятствий много. Тут плетень упавший, тут яма, а тут лежит кто-то. Тьфу ты, нечистая сила! То есть как лежит кто-то? Чуть не подпрыгиваю я, уставившись аж на троих солдат, устроивших себе ночлег прямо на земле под забором возле потухшего костерка. Едва не наступив кому-то из них на ноги, обхожу и оказываюсь у того дома, где стоят телеги. Возницы на местах, ухаживают за лошадками, а я устремляюсь чуть дальше, ибо у крыльца стоит пост из двух солдат. Окинули меня взглядом, но ничего не сказали, да и я старательно делал вид,

что просто прохожу мимо. Зачем я так рискую? Ведь уже все выполнил, нарисовал схему расположений, да такую, что полковник может свою карту штабную выкинуть. Да вот хочу выкрасть кого-нибудь из немецких штабных работников. Авось удастся? Ну правда, ситуация такова, что вряд ли еще представится такой случай, а может, и вовсе не представится, так что действую, а думать будем потом. Самое сложное в моей затее не как выкрасть, а как довести. Бог с ними, на крайний случай хотя бы документы какие-нибудь выкрасть и то хлеб. Если без пленного, то точно смогу удрать, но все-таки хотелось бы притащить «языка».

Маячил я не просто так, сдуру. Нужно было, чтобы меня видели и отметили про себя, что я свой. Когда придет время действовать, это даст возможность сблизиться, от меня не будут чувствовать угрозу.

Завернув за угол, под огромной ивой в десяти метрах от дома, обнаружил колодец, к нему и направился. Здесь, между домами никого не было, но я, продолжая играть роль немецкого вояки, подхватил ведро и стал набирать воду. А хорошо тут, в деревне, тишина, красота, летом, наверное, вообще обалденно.

Умывшись, да и напившись вдоволь, уже придумал план похищения офицера штаба, ибо что это, как не штаб, как все вновь изменилось и пришлось действовать нагло и быстро. Из-за угла интересующего меня дома вдруг появился военный, вроде ефрейтор, с ведрами в руках он подошел прямо

к колодцу.

— Вода чистая? Господин полковник не любит тухлую воду! — произнес ефрейтор, беря в руки ведро.

— Отличная, — прошепелявил я приглушенно.

Я все еще вытирал лицо, делая вид, что очень стараюсь привести себя в порядок, дождался, когда фриц наклонится над колодцем, да и ударил его ножом в печень, надеясь только на темноту вокруг. Даже писка не было, солдат дернулся несколько раз, но быстро обмяк. Девать труп было некуда, поэтому просто скинул его в колодец с водой, стащив с головы фуражку. Неправильно это, но делать было нечего, пришлось поступить так скверно. Это я о колодце, а не об убийстве врага. Быстро оглядевшись, хоть и начинало светлеть, но все же еще темно, быстро набрал оба ведра, пришлось, кстати, потрудиться, немец в колодце мешал. Скорее всего, колодец неглубокий, раз я с таким трудом нацедил воды.

Фриц был без винтовки, поэтому и свою я бросил тут же, за колодцем. Заткнув за пояс штык-нож, хороший такой тесачина, я поднял ведра и направился к дому. Эх, если часовые сразу поймут, что я не тот, кто пошел за водой, мне амба. Но на первый взгляд, ростом мы с ним схожи, усов у меня, как и водовоза, не было, авось... Ну, я уже говорил. Мне главное подойти ближе, а там уже плевать на узнавание. Каску я поменял на фуражку ефрейтора, это должно помочь.

Перед домом, помнится, еще и возницы в телегах, народу много, да и конные спешили и сейчас обихаживали лоша-

док, но три раза тьфу...

Выглянув, осторожно осмотрелся и воспрял духом, все в масть сегодня, все в масть. Оба часовых отошли к телегам и о чем-то трепались с возницами. Те же, как и самые обычные вояки, укладывались спать, а зачем еще они там ложатся? Часовые смеялись и вполне правдоподобно завидовали, в общем, были заняты. Собравшись с духом, я взял ведра и, обходя плетень, вышел из-за угла.

Когда оказался возле крыльца, лишь один из них обернулся в мою сторону, но тут же его кто-то о чем-то спросил, и, отвечая, немец потерял ко мне интерес. Я наблюдал, не сбавляя шага, боковым зрением, выдохнул, только когда дверь, противно скрипнув, впустила меня в сени.

«Черт, куда я лезу, а? Поздно думать, пришел уже».

Открывая двери в хату и готовясь к тому, что сейчас мне свет в лицо ударит, я зацепился фуражкой за притолоку. Головной убор съехал набекрень, и это вызвало смех у тех, кто находился внутри. А было там два немца. Два матерых, в расшитых серебром кителях с орденами, офицера кайзеровской армии. Один, в солидном возрасте, с усищами как у таракана, лысой головой и небольшим животом. Второй – полная противоположность. Молодой, невысокого роста, худощавый, весь такой поджарый, что ли, и я сразу почувствовал, что он опасен. Я как последний мудак даже не подумал, что их может быть больше одного. Подумал, что офицер отправил своего денщика за водой, чтобы привести себя в поря-

док, значит, он один. Тут же передо мной появились сразу два офицера, а может, есть и кто-то еще...

Что они говорят, я почему-то понимал с трудом, уж больно быстро тараторят, да и смеются при этом, да и немецкий я знаю немного хуже английского. В армии было принято зубрить английский, они ж у нас всю жизнь как главный враг, да для себя еще французский изучал, нравилось читать на нем. Вот и вышло так, что английский знаю хорошо, для военного, конечно, а немецкий нужно бы подтянуть, тем более я изучал язык не столетней давности, да и разговорной практики почти не было, а изучение по учебнику это не живое общение, две большие разницы. С пятого на десятое понимаю то, о чем смеются фрицы. Глядя на меня ржут, конечно, что-то о нерасторопности и неуклюжести говорят. Подметив между делом лавку, где были еще ведра, стояла она возле печи, делаю несколько шагов и ставлю свои туда же. Когда руки оказались пусты, разворачиваясь и понимая, что офицеры сейчас во мне не узнают своего ординарца, выхватываю нож. Как молодой офицер успел выхватить пистолет, даже не понял, но пришлось его убивать быстро, ибо ждал такого именно от него. Нанеся несколько ударов в грудь врага, всаживая нож по самую рукоять со всей силы, я наотмашь ударил в лицо второго, стоявшего как памятник Ильичу. Так же неизбежно и с вытянутой рукой. Удары ножом с такой силой дали возможность быстро убить опасного противника, потому как, даже натываясь на ребра, нож все равно входил

внутри.

– Хенде хох! – бросаю я тихо и прикладываю палец к губам.

Немец на секунду замирает, но тут же повинуется и задирает лапки. Хватаю со стола тонкое полотенце, салфетку и запихиваю врагу в рот, успел. Освободив его от кобуры с пистолетом, о, «браунинг» попался, приказываю сесть на пол. Снимал сразу весь ремень, быстро цепляя на себя. Офицер весь дрожит, еще бы, солдат в шинели его же армии, убивает офицера прямо у него на глазах. Да еще я в кровище весь, не грех и испугаться. Когда толстячок оказывается на полу, начинаю искать хоть что-то, чем можно его связать, заодно заглянув в соседнюю комнату, никого больше нет. Вижу на столе в углу телефон и, быстро кинувшись туда, обрываю провод. Связав руки за спиной врага, тот почти не сопротивлялся, только сейчас начинаю размышлять, а как мне с ним выйти? Бывает у меня такое, зарываюсь иногда. Ведь я в тылу врага, причем далеко от своих. Как вывести пленника, да еще и доставить к своим, не подумал. Как буду двигаться мимо позиций, я понимал, а вот как уйти из деревни... Так, спокойно, домик-то очень похож на наши, старые деревенские домишки, несмотря на то что польские, а это значит...

И точно. Из сеней был проход к уборной, а оттуда на двор. А со двора, как известно, всегда можно выйти в огород. Этим путем я и двинул отсюда. Предварительно прихватив толстый портфель, больше похожий на чемодан, лежащий на та-

бурете у стола, и снял с вешалки шинель убитого офицера. Документы в портфеле, скорее всего, пригодятся, как мне кажется, а шинель свою окровавленную сменю на офицерскую. И тут я остановился.

— Это чье? — вслух спросил я, забыв, что фриц не ответит, рот-то заткнут. А увидел я винтовку. Хрен бы с ней, видел такие уже, даже трофеил. Но эта была особенной. На лавке, возле окна, лежал деревянный, аж из какой-то ценной породы дерева, ящик, а в нем винтовка. Крышка была откинута, поэтому и заметил содержимое. Сама винтовка, как и сказал, на первый взгляд обычная, ложе только явно сделано на заказ, слишком красивое. А вот выше, в специальном углублении лежал прицел. Да-да, именно так, ПРИЦЕЛ! Я знал, что фрицы уже начали использовать оптику, но увидеть не ожидал. Интересно, что для меня важнее, пленный или винтовка? Это как посмотреть... Отнять у меня ее вряд ли смогут, вроде уже успокоились насчет трофеев, а вот пленный мне очков добавит. Эх, как бы ни душила меня жаба, но если припрет, выброшу по дороге, но сейчас возьму. Как специалист может пройти мимо хорошего инструмента? Понятно, что тело пока еще не столь привычно мне, как бывшее, там тренировки длились годами, но это дело наживное. Да и стреляя даже из обычной, я заметил, что делаю это вполне уверенно и точно, а значит, я «научу» свое новое тело всему, что помню.

Одной винтовкой не обошлось, ведь увидев ее, стал шур-

шать дальше и нашел рядом кожаную сумку с патронами. Верняк, что под такую винтовку и патроны ручной сборки, отполированные, наверное, хозяином. Интересно только, а где владелец этого богатства? Думать было некогда, схватил немца в охапку и засобирался сваливать. Ящик-кофр повесил на пленного, тут удобная лямка была, нормально, не развалится фриц.

Пройдя огородом, небо на востоке начинает сереть, я крутил головой на все триста шестьдесят градусов, успокаиваясь. Никакой погони, да и тревоги пока никто не поднимал, а время тает. Огород уходил в низину, деревня вообще стояла на небольшом пригорке, так что от взгляда со стороны поселения я защищен. Мы прошли стороной два бивака с солдатами возле костров, все спят, одиночные часовые тоже больше похожи на спящих, чем на людей, находящихся на посту. Да еще и сидят возле костров, они же не видят ничего. Черт, как выходить с этим вражиной, коли у леса еще как минимум два солдата в секрете сидят? Эти беспокоили меня больше, там очень близко к расположению бивака с солдатами, малейший шум и амба. А другого пути нет, справа траншеи скоро начнутся, значит, прямо к лесу и болоту. Вот, думал из деревни будет тяжело свалить, а оказалось, что сложности-то еще впереди. Может, и правы были командиры, говоря о том, что одному будет тяжело. Ведь если бы сейчас меня здесь ждал кто-то из своих, страхуя и блокируя местных часовых, все прошло бы проще. Но тут другая пробле-

ма: найти людей, что так же скрытно, как и я, смогут пробираться по вражеской территории.

Иду, подталкивая пленного перед собой, и внимательно вглядываюсь в темноту, в надежде различить солдат противника. Все же они меня срисовали раньше. Что-то крикнув, они обозначили себя, опять надо торопиться, но наглость наша всё. Давлю на плечи офицеру, заставляя сесть, а сам направляюсь к солдатам. Те уже вышли из-под деревьев, осталось только сократить дистанцию. У меня так-то пистолет в кармане, но стрелять вообще не вариант. Немцы в темноте, видимо, не узнали на мне офицерскую форму, иначе, думаю, вытянулись бы во фрунт.

Что-то бурчу себе под нос, стараясь, чтобы моя речь хоть немного походила на немецкую, а солдаты взяли и поступили неправильно. Один поднял винтовку, а второй вышел ко мне навстречу. Как быть? Спалиться, когда уже все сделал? Вытягиваю руку вперед и показываю за спину идущему ко мне, делая вид, что там что-то интересное. Тот машинально оборачивается, и я сближаюсь. Теперь второй не станет стрелять, а до него пять метров, нормально, лишь бы рука не подвела, а то я еще не бросал этот нож, но в руках крутил не раз, баланс знаю. Взмах кисти, штык летит в того, что с винтовкой, в темноте, надеюсь, он сразу не понял, что я сделал, а в следующий момент мне уже было без разницы. Первый уже стоит ко мне лицом, просто пинаю его прямым в живот, и тот от неожиданности складывается. Беру его шею

в захват и начинаю сжимать. Черт, второй шевелится! Давлю со всей силы, пытаюсь сломать или задушить, что произойдет первым. Сила есть, опыта пока немного у меня нынешнего, да и фриц здоровый попался, сопротивляется. Крутится, как уж на сковородке, но из захвата вылезти не может. Однако ему удалось опрокинуться и утащить меня за собой. Больно прикладываюсь боком обо что-то твердое на поясе немца, аж зубами скрипнул. Через минуту немец все же обмяк и прекратил сопротивляться. Почему я не паниковал, да просто вижу второго. Вместо того, чтобы помочь своему товарищу или на худой конец поднять винтовку и пальнуть, он тупо ползет в лес. Сбежать захотел. Человек боится боли, забывает все, что знал, и то, что должен делать. Рефлекс один, видишь угрозу, да еще и получил повреждение – беги. Нож мой оказался у него в пузе, причем и вошел-то неглубоко, вполне мог бы и сопротивляться, да не смог. Пятился он, не переворачиваясь, как был на спине, так и ползет, сучит ногами, а сам за мой штык держится. Поднимаю его винтарь и подхожу ближе, взмах... Череп, наверное, пробил, хруст такой по лесу прокатился, как лось пробежал. Смотрю под ноги, затем вокруг, тихо вроде... Сплюнул я, и тут меня и накрыло. Рвало минут пять, забыл обо всем на свете, стараясь делать это тише. Надо же, а ведь могло и раньше скрутить, в деревне, например. Шутка ли, убил столько солдат ножом, а это ведь непросто, это не кино. Да и для нового тела это все в новинку, не справился организм, тем более легко-то только

в кино. Я вот вроде и знаю, куда и как бить, но тело-то не совсем точно выполняет мои хотелки. В той жизни, хоть и было всего пару раз, но я работал ножом в реальных условиях, опыт был. Да еще и на тренировках с чучелом репетировал, нанося удары и ставя руку. Надеюсь, скоро и здесь так смогу.

Бой боем, но надо валить отсюда, и так задержался. Отплевавшись наконец, пошел искать офицера и нашел того гораздо дальше от леса, чем оставлял. И этот сбежать пытался, хотя ему сложнее, связанному-то. Ноги у него свободны, почти, между ними шнур, давая возможность идти, но вот без помощи встать, да еще и бежать, это вряд ли.

– Ну, куда ты собрался? Нам в другую сторону! – зло фыркаю я, наклонившись к вражине.

– Что вы делаете? – вдруг доносится до меня через кляп. Как он мог это сказать, да еще и на русском? Я, конечно, в горло ему кляп не забивал, но один хрен, попробуй чего-то сказать с тряпкой во рту. Понял я его потому, что как раз наклонился, вот и расслышал.

– Русский, стало быть, понимаешь, – кивнул я своим мыслям, – тогда вставай и пошли, нам еще с пару километров топтать, а солнце вот-вот взойдет. Считаю, тебя пригласили в гости. – Почему-то к этому фрицу, а он вроде как целый полковник, я не испытывал уважения и желания обращаться на вы.

– Помогите мне встать, очень тяжело... – попросил фриц. Конечно, тяжело, на нем ящик висит, да и связан он. – И

вытащите, наконец, эту тряпку, я не стану кричать.

— Рисковать я не могу, здесь слишком много ваших солдат, — я чуть ослабил кляп, потянув немного полотенце на себя. — Чья это винтовка? Где ее владелец? — вдруг спросил я. Правда, хотелось узнать.

— Вы его зарезали у меня на глазах, — произнес немец уже четче, языком, стало быть, шевелить может.

— А, так это твой дружок, что решил геройствовать? Ну-ну.

— Он только прибыл на фронт, специалист, лучший стрелок на этом участке фронта! — вздохнул офицер.

— Был, — сплюнул я. — С таким «веслом» я его превзойду, — я ухмыльнулся, и мы продолжили путь. На удивление, немец больше ничего не говорил, а самое главное, не пытался кричать.

От леса, точнее от болота, пробираться пришлось еще сложнее и медленнее. Во-первых, уже начался рассвет, солнце поднимается, но пока его деревья скрывают. А во-вторых, тут траншеи совсем близко, я тут и ночью полз, а уж сейчас, когда почти светло вокруг... Как буду преодолевать нейтралку, ума не приложу. Ползу сам, подтаскиваю немца и все время жду, что сзади в меня начнут стрелять или просто орать. До колючей проволоки оставалось совсем чуть-чуть, когда позади раздались крики и трель свистка. Ага, нашли трупы, скорее всего, или обнаружили нехватку офицеров. Крики становились все громче и отчетливее, а я рвал

последние силы, чтобы успеть. Вот уже мотки оборванной проволоки, где-то тут я и шел ночью. Поворачиваю голову, в который раз взглянув на позиции врага, и замираю. Метрах в ста, может чуток дальше, ко мне направляется отделение солдат. Охренели они, что ли, тут же до наших рукой подать!

– Мужики, стреляйте, немцы догоняют! – от безнадеги заорал я. Видно же, вон наши сидят, давно меня срисовали, но молчат, гады, не стреляют. – У меня вражеский «язык», прикройте, гады! – от отчаяния я аж задышался. Жалко было трудов, глупо вот так сдохнуть на нейтралке, прямо перед своими же окопами из-за тупости своих сослуживцев.

Плюнув на все, поднимаюсь во весь рост и тяну немецкого офицера, заставляя делать то же самое. Нехотя тот подчиняется. Толкаю его перед собой, ограждения пройдены, осталось метров двадцать и будет наша траншея. Раздается выстрел, за ним второй, третий и... Сильная боль в районе правой лопатки, лечу кубарем вперед, подминая немца.

– Не успел! – шепчу я и теряю сознание.

«Где я?» – открыв глаза, мелькнула первая мысль. Темно вокруг, лежу на животе. Тут же накрыла боль. Черт, как же мне больно-то! Раз уж закинули меня в прошлое, кто бы это ни сделал, могли бы и неуязвимостью наградить, жалко, что ли, раз такие фокусники? Блин, перспективы звездеч какие. Даже если не сдохну прямо сейчас, то тут такая медицина, что не знаешь, умереть лучше или выжить.

Вокруг свистят пули, вроде как артиллерия начала долбить, но что удивляло, не по мне. Так-так, глаза, наконец, начали видеть, точно вижу, вон окопы наши, значит, я все еще на поле... Что ж за сослуживцы у меня такие, не могли помочь, что ли? Главное, вижу же, вон смотрят, но не лезут. А кстати, как там фриц, живой? Может, зря уже все...

Немец оказался прямо подо мной и, блин, живой, зараза, весь в моей кровище только. А мне, блин, неслабо так досталось, боль вырубала, держался на одной силе воли.

– Эй, млять, вы так и будете там прятаться? Помогите уже, сдохну сейчас! – выкрикнул я, скрючившись от боли. На секунду прикрыв глаза, с удивлением услышал рядом голоса.

– Живой или нет?

– Да нет, мертвый я, а ору, потому как из могилы встал! – выругался я. – Чего глазами хлопаете, ребята, вытащите скорее отсюда!

Двое солдат, переглянувшись, нехотя взяли меня под мышки и хотели было тащить, как я вновь подал голос.

– Пленный со мной, офицер немецкий, его не забудьте.

Кто-то что-то и кому-то кричал. Вокруг началась суeta, а меня, наконец, дотащили до окопа. Когда оказался на дне, увидел унтера и, насколько мог радостно, заявил ему:

– Господин унтер-офицер, пленного срочно в штаб полка, там ждут! Погодите! – это я увидел, как унтер отдает команды двум бойцам. – В кармане, в шинели, бумажка, да, в этом.

– Что это? – унтер наклонился, пытаюсь разобрать то, что

я там начертил.

– Схема позиций врага, ее лично в руки его высокоблагородию, господину полковнику. И на словах передайте, срочно открыть огонь, пока позиции не поменяли! И еще, господин унтер-офицер, у немца ящик висит на спине, это мое оружие, передайте в штаб, скажите, что я просил сохранить, это отличное оружие против немцев, сделанное ими самими.

– Во наговорил! – хмыкнул унтер, но сказал, что все делают и все будет в порядке. Успокоил, блин.

Фу-у-у. Едва высказал все, что было важно, мгновенно вырубился, а очнулся только в лазарете. Было больно, но и одновременно приятно. Строгого вида мадам мило протира-ла мне лицо чистой тряпочкой, что-то бормотала, что именно, было не разобрать. Лежал я на боку, голова повернута в сторону мадам в белом чепце.

– Очнулся, голубчик? – чуть сменила строгий изгиб губ мадам.

– Есть немного...

– Кушать пока нельзя, доктор запретил.

А мне смешно. Черт, надо за языком следить, тут говорят совсем не так, как я привык, брякнул хрень, а человек понял не так, как надо. Большевики, с их революцией, сделали довольно важное дело, упростили язык. Но вместе с этим, думаю, в него пришло и много лишних слов, к сожалению.

– Я хотел сказать, что да, я очнулся. Вы мне скажете, что со мной? – я хотел говорить правильно, но думаю, выходило

хреново.

– У вас ранение в спину, пуля застряла внутри. Михаил Тимофеевич сделал все, что было нужно. Вы были без сознания почти два дня. Я сейчас сообщу о вас, доктор придет и все расскажет.

– Спасибо, буду благодарен, сударыня. – Блин, а как к ней обращаться? Мадам? Слишком по-французски. Хотя они тут вроде через одного на нем говорят, может, и сошло бы? Эх, надо держать язык за зубами и больше слушать.

Мадам не успела доложить доктору, тот явился сам, буквально через несколько секунд.

– Что у нас тут? О, очнулся, голубчик? Варвара Степановна, голубушка, можете оставить нас? – О, теперь знаю, как ее зовут, можно смелее общаться.

– Конечно, Михаил Тимофеевич, буду в третьей.

– Хорошо, голубушка, хорошо.

Блин, одни голубушки и голубчики, какие тут все утонченные и вежливые, просто жуть! Мне тут, с моим армейско-бытовым, тяжело будет, надо привыкать. А точнее, как и говорил, следить надо за тем, что и кому говорю. Но как же приятно слышать такую речь! Это не в окопах, член через плетень загибают, иной раз с пятого на десятое понимаешь, вроде порусски говорят, а понять почти невозможно.

– Так-с, как вы себя чувствуете, рядовой? – нахмутив слегка брови, спросил доктор.

– Да... – хотел сказать «хрен его знает», но вовремя при-

кусил язык, – вроде лучше, чем когда ранили. Что там, господин доктор?

– Все лучше, чем могло быть, – поцокал языком врач, – задето одно ребро, но думаю, страшного ничего нет. В любом случае свое отвоевали. У вас ранение одно на миллион, чуть в сторону, и уже беседовали бы с апостолами. Ранец немецкий вас спас. Он и скорость пули погасил, и отвел ее в сторону. Шла бы прямо, точно смерть.

– Как это? Война же идет? Заживет, вернусь...

– Это когда еще будет! – махнул рукой доктор. – Давайте перевернем вас, нужно осмотреть рану.

Осмотр принес мне усталость и немного ухудшил состояние. Рану потревожили, да и свежая она еще, плюс ворочался и напрягался, но швы не расползлись. Конечно, меня волновало состояние раны, ведь тут не двадцать первый век, чем тут лечат огнестрельные раны, ума не приложу. Да и болело все тело так, как будто у меня рана от РПГ, а не винтовки. Или так пулю тащили, что распахали всю спину? Скорее всего, так и было, станет тут кто-то миндальничать, да и инструментов таких нет, как в двадцать первом веке.

Все же там, на небе, явно кто-то есть, и он за мной приглядывает. Увезли меня аж в Казань. Ехать было тошно, состояние оставляло желать лучшего, и я как мог старался больше спать. Эшелон мало того, что еле плелся, так еще и часто и подолгу стоял на всевозможных полустанках.

Не зря я надеялся на помощь свыше. Уже через месяц я смог самостоятельно вставать с койки, а еще через два начал бегать. Не спринт, конечно, но и не шаг уже. Надо стараться, приходить в себя, набирать форму. Дышать еще было сложно, легкое-то у меня было повреждено, но доктора успокаивали, хотя и сами ранее были настроены скептически. Тут и туберкулез, и прочая гангрена в порядке вещей, а мне вроде как и ничего.

Приближалась осень, я все больше и больше занимался восстановлением себя родимого, хотелось поскорее выйти из госпиталя. Ну и, конечно, привести это тело к тому состоянию, что было мне привычным. Растянуть как следует связки, наработать моторику движений, да и силушки добавить в мышцы, лишним не будет. Выходило, прямо скажу, замечательно. Я даже рад был этому ранению, хоть и пришлось изрядно потерпеть, пока рана заживала. В окопе я скорее всего не имел бы возможности заниматься, а то и вовсе бы уже помер. Тут я восстановил в памяти весь комплекс, с которого когда-то начинал. Тело-то новое, мышцы забиты совсем, связки как железные, пришлось начинать с банальных наклонов и приседаний. Зато чуть позже я уже форсировал всю. Было тяжело, особенно после первых растяжек, на утро еле вставал, но выдержал. Просто не знал, сколько у меня времени, вот и торопил события. Теперь я уже не тот только что вселившийся в это тело неповоротливый пацан, не знающий, куда шагнет левая нога. Обязательный шпагат, он здорово

облегчает жизнь, когда лежишь часами на позиции, можно тянуться и ничего не болит и не хрустит. Жаль только, что рукопашку было не отработать, не с кем. Бойцы тут, в госпитале, только у виска крутили, когда видели меня, не занимался таким тут никто. Зачем? У кого ранение серьезное, тому тяжело, и он отсюда уже домой поедет, а у кого легче, тем было просто лень. Думал, возникнет какой-нибудь конфликт, я и покажу им разницу, но как назло, никто не приставал, только у виска крутили да хмыкали. Разговоры в курилке... Отдельная тема. Слышал даже, вполголоса обсуждали царя и войну, ну и умных людей, что просвещают народ, поминали. Фамилий не слышал, не употребляли тех, но тот факт, что в это время немцы уже работали с Парвусом, помню. Значит, начала уже гнида революции расплзаться, хреново, не успел я что-либо сделать.

На фронтах – полная задница. Пока лежал, все размышлял, стоит ли мне попробовать выйти на контакт с властями или нет. Понимаю, что революцию уже не сдержать и не отменить, но как-то не хочется участвовать в гражданской войне. Вообще не хочется. Как бы в мирное время мы русские друг на друга ни злились, но стрелять, убивать своих же, это для меня непостижимо. Неужели у всего простого народа такая злость к дворянам и офицерам? Почему? Почему сразу у всех и на всех. Так же не бывает.

В госпитале, да и везде на гражданке, где есть военные,

слышал робкие разговоры о ненужности войны, в основном, конечно, среди рядовых. Я-то понимаю, откуда это, работа по продвижению идей желающих сменить власть людей, но блин, мне вроде и так все нравится. Но я-то в армии, хоть и в госпитале, здесь жизнь другая. Представляю, что происходит на гражданке. Ведь просто так революции не делаются, хрен бы у кого что-то получилось, если бы народ жил нормально. А уж наш многострадальный русский народ нормально не жил никогда, может, поэтому всегда и ругали власть. Только вот на дыбы встали всерьез лишь в девятьсот семнадцатом. Загадка, конечно, почему именно в семнадцатом, почему так, разом? Как большевикам удалось так запудрить мозги людям? Ведь простые-то крестьяне думают больше о своем, что лично им близко. Земля, урожай, скот. Ладно бы, если б революцию сразу устроили большевики, с их лозунгами, это было бы понятно, но ведь я-то знаю, *кто* устроил этот трэш. Большевики лишь подомнут все под себя через полгода, а вот как все это устроили буржуи? Так разложить армию и простой народ надо постараться.

– Ну что, боец, готов к возвращению? – поприветствовал меня доктор, который ухаживал за мной весь срок восстановления.

– Конечно, намного лучше, чем был раньше!

– Ну-ну, хвастун. Смотри, не давай в себя стрелять попусту. Хотя ты как раз и не пустую шкуру-то попортил, – док-

тор указал мне на грудь, где висел «Егорий». Да, наградили меня прямо в госпитале. После моего фортеля с разведкой, да еще и пленным немцем, оказавшимся ни много ни мало аж цельным оберстом, командиром полка, наши всерьез дали немцам прикурить. Хоть и ненадолго, но это улучшило обстановку на том участке фронта, где я воевал.

Отступление, как и в известной мне истории, состоялось. Оставили Польшу, часть Украины и Белой Руси, но вроде встали все же. Возвращался я через Москву, там проводился сбор таких, как я, бывших больных. Но не зря я все же поминал того, кто выше всех нас. Едва обратившись к учетчику, подав документы, получил приказ ждать и никуда не уходить. Ожидание было долгим, но принесло свои плоды.

– Направляетесь в свою прежнюю часть, на вас, ефрейтор, выписан приказ и требование о содействии.

О как! Видимо, полковник Марков, а был я именно в его полку, не забыл меня? Нормально так выходит, неужели их благородия имеют память и чувство благодарности? Озвучивать мысли, конечно, не стал. Козырнул и спросил, куда и как добираться. Получив предельно четкие указания, двинул на выход. Через два дня сбор прямо на вокзале. Построение, погрузка в вагоны – и здравствуй, фронт.

Два дня в будущей столице будущего СССР я почти не гулял. Москва была почти неузнаваемой, да и современную мне я видел не так уж часто. Специфика моей службы бы-

ла такова, что чаще бываешь в немного других местах, все чаще на природе. Прошелся до Кремля, поглазел, красиво, но суетно больно, всегда любил тишину и покой, мне любая деревня ближе, чем все эти шалманы для дармоедов. Ночевать пришлось в снятом номере гостиницы, денег, кстати, по выписке из госпиталя получил немало, вот и шиканул. А что, копить их, что ли? Я тут один, в госпитале пытались разузнать у меня о родных и близких, сказал, что ничего не помню. Удивился, что не стали делать запрос в часть, с просьбой сообщить о моих родных. Память даже проверять не стали, врачи как-то быстро сошлись на контузии и отстали, ну и я не напоминал. Зачем ворошить? Вдруг найдется кто-то из близких этого тела, что тогда? Ведь наверняка любой, кто знал здешнего Николая Воронцова, не узнают его в новом исполнении. Да, внешне я почти такой же, только стал стройнее и крепче, а вот внутри... В местных реалиях я еще поднабрался немного, лежа в госпитале наматывал на ус все, что вижу и слышу, но о семье-то ничего не знаю. Вот и тратил деньги так, как будто завтра меня не станет или появятся другие деньги. Да и что там за траты-то вышли! И гостиница, и походы в ресторан стоили совсем недорого, даже в условиях войны. В ресторациях понравилось, даже слишком. Благодаря кресту на груди, ни у кого не возникло желания не пустить меня в ресторан. Одежка была не тряпьем, а вычищенной формой, награда на груди, все это открывало двери, и я пользовался этим.

Понравились в ресторане именно еда и то, как проходит этот процесс. Слава богу, владение этикетом у меня было в крови, даже не напрягался. До армии, пока жил с родителями, был обучен всему, что нужно. Не смотрите, что семья военных, по крови предков я был не из крепостных. Хоть и не прямой потомок, но все же в роду кто-то с голубой кровушкой явно водился, наверное, какая-нибудь прапрапрабабушка согрешила. В семье было не принято об этом говорить, дед-то у меня из советских служаек, скрывал происхождение, конечно. Правда, отец в это не верил, так и говорил мне, дескать, в тридцатые бы раскопали всю подноготную. Но и сам одновременно признавал, что могло быть всякое. А уж лично я всегда верил. Сначала мальчишкой был, и очень нравилась мысль, что кто-то из предков был дворянином. Позже, конечно, юношеский максимализм притупился, но мыслишки-то оставались. Просто у нас в роду все военные, причем прадед в гвардии служил и не рядовым, вот и думай, дворянин или нет? Да, знаю, что в двадцать первом веке многие заявляли о том, что у них предки дворяне, будучи самыми настоящими крестьянами, но я вот почему-то был практически уверен в этом.

До расположения части добирался очень долго. Выгрузив меня на какой-то замызганной станции, указали дальнейшее направление и все, добирайся как хочешь. Хорошо, что полк, да и вся дивизия вообще, стояли сейчас в обороне, и най-

ти его будет несколько проще, чем если бы шло наступление или отход. Потопал пешком в указанном направлении, по словам сопровождающего в эшелоне, верст двадцать топать. Хорошо, что кроме еды у меня почти ничего и не было, легче идти.

Не пройдя и пары верст, услышал позади топот и, оглянувшись, увидел лошадь. Лошадка тащила небольшую телегу, кроме возницы, в ней никого не было.

– Здоров будь, служивый! Докуда топаешь? – еще не старый дедок снял шапку и поприветствовал меня.

– И тебе не хворать, диду, – отдал я честь, – до Бредневки иду, далече ли мне?

– Путь не близкий, но с полдороги тебе подсоблю. Сидай ко мне, – махнул дед рукой, указывая на место рядом с собой, а позже добавил: – Голодный?

– Немного, – осторожно сказал я. Такие разговоры для меня складывались сложнее всего. Это в городе да в госпитале как-то легко выходило, а с селянами сложнее. У них даже русский каким-то суржилом казался, так что приходилось напрягаться. Да и как, откуда тут взяться современному мне русскому языку? Он ведь почти сто лет изменялся, до того, как я сюда попал. Здесь многое по-другому, в том числе и язык. Когда говорят на казенном, ну, строго, официально, то вообще бывает, что теряюсь в терминах. А так различия есть даже между губерниями, например, в Москве мне было проще, чем в госпитале, где лежали солдаты со всей страны.

А уж тут, в Малороссии, выговор такой, что половину слов додумывать нужно, чтобы понять.

– Держи вот, поснедай, чем Бог послал, – дед развернул большую, чистую тряпицу, в которую аккуратно были завязаны хлеб, сало, лук и чеснок. Нехитрый запасец еды при-шелся как никогда кстати. Если честно, то есть хотелось сильно. Мой запас подошел к концу еще в эшелоне. Закупился я в первопрестольной пирогами и салом, но эшелон так долго тащился, что пришлось все съесть, чтобы не выбрасывать потом испортившуюся пищу.

– Благодарствую, диду. Как тебя величать? Меня Колькой родные прозвали.

– Какой я тебе дед? Степан я. – А я только сейчас при-смотрелся и устыдился даже. Да никакой он и не старик, так, около пятидесяти, наверное. Видимо, совсем тяжело в деревне жить. Работа с утра и до ночи приносит мало радости, а тем более здоровья, вот и выглядел этот Степан явно старше, чем было на самом деле. – Подожди зелень трепать, тут жинка еще картохи подкинула, все посытнее будет.

– А ты что же, Степан, не составишь компанию? – не хотелось есть одному, да еще и чужую пищу.

– Так я только из дому выехал, наша деревня в пяти верстах на восходе.

– Спасибо, – коротко поблагодарил я и взял картошину в руки. Чистить не стал, она же вареная, чего со мной будет? – Чем занимаешься в миру?

– Мы с семьей из-под Бреста, что на Буге шли, когда немец повалил. Сам-то видишь, калечный я, списали меня, еще в прошлом годе. – Только сейчас я обратил внимание на ногу Степана, которую он до этого держал накрытой соломой. Точно, нет ноги, не повезло мужику.

– В бою?

– Да, – кивнул Степан. – В прошлом годе, война еще только началась, попали мы под пушечный обстрел, много полегло тогда, а я вот, видишь – живой. Хорошо еще наши коновалы мне ногу рубанули не по самое хозяйство, было бы совсем тяжко. А так ничего. Ты сам-то откель будешь?

– Так возвращаюсь я, из госпиталя иду. Тут недалеко станция, меня там ссадили. В свой полк иду, вроде как где-то рядом должен быть.

– Пехота?

– Она, родная, а ты?

– Оттуда же. Как ранили-то? Тоже пушки?

– Да не, пулю поймал, вот заштопали, отлежался, да и в путь-дорожку.

– Серьезно, – вздохнул Семен. – Ладно хоть целый.

– Твоя правда, – вздохнул теперь и я, – иначе бы и не встретились с тобой, – и мы вместе рассмеялись.

– Я тебя подброшу, на телеге-то мне крюк сделать ничего не стоит, успею.

– Вот за это тебе спасибо наше, солдатское, Семен. Триста лет живи, жену и детей радуй. Есть свои-то?

— А то как же! — важно ответил Семен. — Двое пацанов. Сорванцы, спасу нет. Но помогают уже, хоть и молодняк еще совсем.

— Это хорошо, — киваю. Везде жизнь есть, даже в годы войны. Деревня сейчас не та, что будет в конце века. Тут все сейчас свое, и молоко, и мясо, и овощи. Только работай, не ленись, все будет. А калечному, конечно, тяжело. Здоровому-то тяжко, ежели один, без помощников, а уж в таком виде... Труд на земле никогда не был легким, но трудились для себя. Понятно, что оброки, налоги и прочее, но все же именно для себя. Никто бы не стал корячиться и рвать жилы на барина так, как трудится для себя и семьи. Дворяне, конечно, охреневали, вытягивая из крестьян все до последней нитки, им-то гулять нужно, деньги нужны, а мужикам работать приходилось за троих. Б...ство, если честно. Да и в будущем будет все именно так же, только называться будет по-другому.

Так, под непринужденную болтовню мы и ехали. Лошадка ковыляла себе неспешно, да и не гнал ее Семен. Видно было, что повидала работяга немало, бережет он ее. Да и как не беречь, скотина для селян всегда была членом семьи, кормилицей, не важно, корова, курица или лошадь. Знаете, как на фронте мужики из деревень переживают за кавалеристов? Им лошадей жаль, за что четвероногим такое наказание?

Когда выехали из-за деревьев на большое поле, возница указал куда-то в сторону.

– Вон туды тебе. – По лицу этого настоящего человека было видно, что он очень сильно переживает, наверное, и сам бы пошел в армию, если б взяли.

– Спасибо тебе еще раз, друже. Береги семью, ну и сам, конечно, по возможности.

– Дайте им там жизни, проклятым. Свечку за тебя поставлю.

Вот так. А как же чуть позже большевики будут учить, что Бога нет? Кто им поверит? Здесь люди, на земле живущие, испокон веку в него верят. Как же все-таки умудрились заставить людей церкви громить и попов резать? Или такие сейчас попы, что народ только команду «фас» ждал? Вспоминая будущее, поморщился, там такие же попадались, хотелось раскулачить их по полной программе. Самые настоящие хапуги, а не служители церкви. Служили они только одному, себе. Дорогие машины, коттеджи в элитных поселках, ничего гады не стеснялись. Людей в церкви зазывали, как в цирк, мля, а сами наверняка и «Первую книгу» не читали ни разу. Сколько раз видел, какие служки в церква. Сплошь молодые мальчишки, тьфу ты, противно даже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.